

Лидия Чарская

Грозная дружина



Лидия Чарская

Грозная дружина

«Public Domain»

1909

Чарская Л. А.

Грозная дружина / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1909

Эта приключенческая повесть увлекательно рассказывает о смелом походе казаков в XVI веке для завоевания далекой, неведомой Сибири. Смелый атаман Ермак, затеявший неслыханное, грандиозное дело, и его грозная дружина – это истинные богатыри. Их поход – подвиг почти сказочный, в духе древних русских богатырей. Покорение Сибири горстью удальцов, воодушевленных идеей завоевать для русского народа огромный, богатый край и тем оставить по себе добрую память на века, – этот подвиг невольно трогает юную душу, будит добрые чувства и оставляет неизгладимое впечатление. В основу повествования положена история смелого юноши, по воле судьбы попавшего в дружину Ермака.

© Чарская Л. А., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лидия Чарская

ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА

Предисловие

Немного в истории примеров такого героизма, как смелый поход казаков в XVI в. для завоевания далекой, неведомой Сибири. Не много и героев столь своеобразных, безумно-отважных, как Ермак и его небольшая, но грозная дружина. Смелый орел-атаман, затеявший неслыханное, грандиозное военное дело, и его удалыцы воины – это истинные богатыри. Чем-то стихийным веет от их могучих образов. Их поход – подвиг чисто сказочный, в духе древних русских былинных богатырей. Но он не выдуман, этот подвиг, не создан в красивой сказке или звучной песне. Тем выше, тем удивительнее он. Тем сильнее, тем значительнее его воспитывающее влияние на юные души. Эпизоды завоевания Сибири горстью удалыцов, глубоко преданных своему делу, воодушевленных одной только идеей – завоевать для русского народа огромный, богатый Сибирский край и тем оставить по себе добрую память на века, – эти эпизоды невольно трогают душу, будят добрые чувства и оставляют неизгладимое впечатление.

Один из выдающихся наших педагогов и писателей говорит: «Если окружающая жизнь дает мало великих примеров героизма, пусть идет на подмогу литература, окрыляя юные души великими примерами прошлого или же героическими вымыслами, рожденными из души поэта!»

Цель настоящей повести – удовлетворить этому вполне справедливому педагогическому требованию. В ней перед читателем проходит вся грандиозная картина завоевания Сибири, с первого момента возникновения смелой затеи до последнего аккорда великого исторического события.

Придерживаясь строго проверенных исторических данных в отношении основного фона – завоевания Сибири, – автор оживляет этот исторический фон повествованием, в котором одинаково почетная роль выпадает и на долю русских победителей, и на долю побежденных, и отдает должную дань героизму как первых, так и последних.

В основу повествования положена история смелого юноши, случайно, по воле судьбы, попавшего в ряды разбойников-завоевателей и сумевшего личными своими качествами вызвать к себе любовь даже в черствых, загрубелых сердцах. Рядом же с этим благородным юношей перед читателем проходят типы героев и героинь – туземцев-дикарей, беззаветно преданных своей родине и готовых на всякую жертву ради сохранения свободы родного края.

Часть первая

Глава 1

НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ

– Са-а-рынъ на-а-а ки-ич-ку-у-у!

– Са-а-рынъ на-а-а ки-ич-ку-у-у! – зычно и протяжно повторило отклик отдаленным раскатом гулкое лесное эхо...

Лошади вздрогнули, рванули и неожиданно стали как вкопанные. Стала с ними и тяжелая, громоздкая дорожная каптана.¹ Из окна ее выглянуло старое морщинистое лицо, и взволнованный голос тревожно спросил, обращаясь к вознице:

– Слыхал, Егорушка, кричат будто?

– Слыхал, Игнатий Терентьич... И кто кричит смекаю. «Он» таперича на разные голоса аукаться станет, – отозвался с козел ражий парень в посконной сермяге.

– Лесной хозяин,² мыслишь? С нами крестная сила, не к ночи будь сказано, – и, торопливо осенив себя крестным знамением, старик скрылся в каптане.

– Са-а-рынъ на-а ки-ич-ку-у-у! – где-то близко, совсем близко, пронеслось по лесу.

Тихо ахнул Игнатий Терентьич.

Снова высунулось из окна каптаны встревоженное лицо.

– Егорушка, не «сам» это. По голосу слышать: человеческими голосами кричит-то, – дрогнув, пролепетали побелевшие от страха губы.

– «Он» – то по всякому кричать может: по-песьи и по-людски, – снова отозвался с козел возница, – а только и впрямь людские крики как будто, заключил он, насторожившись и чутко прислушавшись с минуту.

– Станишники никак?³ Господи, помилуй! – почти простонал старик.

– Станишники и то, слышь, расшкались.

– Ахти, беда! – зашептал упавшим голосом Терентьич. – Гони што есть духу коней, миляга! – обратился он к вознице. – Вызволяй из беды князеньку нашего! Не приведи Господи попасться в лапы живодерам! Хуже разбойников ночные тати.⁴ Ой, гони лошадок, Егорушка, спасай боярское дите...

Покойный князь батюшка увидает с того света твое усердие и его молитвами воздаст тебе сторицей Господь...

Гикнул, свистнул, молодецки гаркнул на коней возница, ударил хлесткой нагайкой по всей запряжке, и сытая, удалая четверка взялась с места на всем скаку, волоча за собою скрипучую, громыхающую каптану.

Это был просторный возок, вышиною в человеческий рост, обитый сукнами и крытый коврами поверх перин и подушек, грудой наваленных на скамьях. В углах каптаны стояли лари со всякою дорожною снедью, бочонки с медом и ендовы с квасом, заготовленные на долгое время пути. Тут же были нагромождены укладистые сундуки со всевозможным богатством в виде мехов, штук сукна и парчи, боярских одежд, утвари и драгоценных камней, составляю-

¹ Колымага.

² Леший.

³ Члены удалой казацкой вольницы, жившие грабежами.

⁴ Воры.

щих главное богатство именитых людей старого времени. Два тяжелых ларца с казною были упрятаны под пуховую перину под самый низ сиденья.

На перине, крытой кизыльбацким⁵ ковром, спал юноша, вернее мальчик лет четырнадцати на вид. Серебряный месяц, заглядывая в слюдовое оконце, освещал спящего. Тонкий и стройный, в дорожном терлике,⁶ расшитом по борту золотой тесьмой, охваченный чеканной опояской поперек стана, со спущенным с одного плеча опашнем,⁷ он был очень хорош собою.

Из-под сдвинувшейся на затылок во сне мурмолки⁸ с собольим, не глядя на летнюю пору, околom, выбивались светло-русые кудри мальчика, шелковистые и мягкие как лен. Над сомкнутыми веками горделиво изгибались темные брови. Высокий, умный лоб, тонкий нос с подвижными, как у горячего молодого конька, ноздрями и полные, смело очерченные, полуоткрытые в сонной грезе, румяные губы несказанно красили это юное, открытое, милое лицо.

Старик Терентьич осторожно склонился над спящим красавчиком-отроком и долго тревожно вглядывался в его сонные черты.

– Господь с тобою, соколик, спи с миром! Бог да молитвы дедушки-князя вызволят нас из бе...

Он не закончил своей фразы.

– Са-а-рынъ на-а-а ки-ич-ку-у-у! – новым зловещим раскатом пронеслось по лесу, замирая в чаще.

Помертвев от ужаса, Терентьич упал на колени посреди каптаны, беспорядочно шепча: «Господи, помилуй! Господи, не попусти!»

Спящий отрок проснулся и быстро вскочил со своего мягкого ложа.

– Чего ты, дядька? Аль попритчилось што? – прозвучал его звонкий, красиво вибрирующий голос, в то время как большие, ярко-синие глаза впились в старика.

Эти синие глаза так и горели, так и искрились смелой недетской удачью и молодым задором. Ни капли сна не оставалось в них.

– Князьеньку, родимый, соколий мой! Неладное штой-то в лесу деется.

Никак станишники нас выглядели и ровно по зверю какому облаву ведут; слышь, свищут да гикают окаянные, – потерявшись от смертельного ужаса ронял Игнат.

По лесу, действительно, носился зловещий посвист, точно ветер в метелицу гулял меж великанов деревьев в сгустившихся сумерках июньской ночи.

Оживала с каждой минутой дремучая чаща. Тысячью голосов заговорила, загикала, засвистела, затопала сотнею молодецких ног. Громкие окрики разбудили сонную тишину позднего ночного часа. Трепет охватил старого Терентьича.

– Беда, соколик, беда, Алешенька! Куды я тебя схороню? Куды от лихого глаза укрою? Пропали мы, дитятко, как есть пропали! – лепетал несчастный старик.

Побледнел и юный князек. Дрогнуло сердце Алеши. Страх обуял детскую душу, но не надолго. В следующее же мгновение он был спокоен. Лишь темные брови строго нахмурились да синие глаза ярче блеснули в лунном сиянии.

– Сам говоришь, што Грозного царя не убоялся, – произнес твердым голосом мальчик, – а от ночных татей дрожишь. Кони сытые да ходкие у нас, авось не нагонят станишники.

– Не за себя боюсь, светик, – все так же растерянно лепетал дядька, беда тебе, коли нагонят, ведаешь сам...

⁵ Персидским.

⁶ Род кафтана.

⁷ Верхняя одежда.

⁸ Род шапки.

– А нагонят – откупимся, – тряхнув кудрями, отвечал мальчик, – чай немало казны в мошне припасено. А коли што – и ручницы⁹ возьмем, палить будем! – смело заключил красавчик-князек.

– Храни Господи!.. Ручницы! Ишь што выдумал! Да их-то, разбойников, с десятков али более соберется, а нас-то я да Егорка, да ты, молоденчик.

Нешто справиться с ими? Да и откупом немного возьмем – все едино обдерут до нитки. Единое спасение – коней гнать... Куды ни шло!

И снова высунулся в окно каптаны старик-дядька, снова перекинулся словом с возницей и, полуживой от страха и волнения, опустил на сиденье возка.

Лошади уже не бежали, а неслись молнией на всем скаку. Тяжелая каптана перепрыгивала с кочки на кочку, грозя ежеминутно грохнуться оземь и развалиться на сотню кусков. Месяц скрылся за тучу и внутри каптаны снова наступила ночь. В сгущенном мраке князек Алеша нащупал небольшой, как бы игрушечный чекан,¹⁰ заткнутый за пояс и сжал его дрогнувшей рукою.

«Буду защищать дядьку, – коли доведется настигнуть нас татям», вихрем пронеслось в мозгу смелого мальчика.

А чаща все стонала, и вопила, и гикала на разные голоса. Казалось, вся нечистая сила леса, с упырями, лесовиками и ведьмами во главе, слетелась сюда справлять свой полночный шабаш.

Вдруг, совсем близко, чуть не над самой каптаной, просвистел молодецкий посвист. Вслед за ним ясно и четко прогремело над головой путников:

– Сарынь на кичку!¹¹ И кони разом остановились, схваченные под уздцы десятком сильных, молодецких рук.

⁹ Ружья.

¹⁰ Род топорика.

¹¹ Условный оклик или сигнал, который выкрикивали воры и разбойники, нападавшие на проезжих дорогах на богатых купцов и знатных бояр.

Глава 2

ПАГУБНЫЙ ВЫСТРЕЛ. – РАСПРАВА. – СТРАННЫЙ ОБМЕН

Десятка полтора дюжих молодцов, одетых в темные кафтаны и вооруженных бердышами,¹² кистенями¹³ и дрекольем, вмиг окружили каптану.

Вынырнувший снова из-за облака месяц осветил их сильные богатырские фигуры, полные бесшабашной удали и разгула лица, их мускулистые руки, сжимавшие оружие... Впереди был высокий плечистый парень, одетый богаче и наряднее остальных. На нем был алый кафтан, опоясанный дорогим поясом заморской чеканки, с заткнутыми за ним ножами и кистенем. Высокая шапка, с расшитым золотом оком, и желтые, подбитые серебряными скобами, немецкой кожи, сапоги довершали наряд станичника, внешностью своею скорее похожего на знатного воина, нежели на вора и разбойника.

Его грозное лицо, казалось, не знало милосердия. Жестокою суровостью дышала каждая черта. Черные брови хмурились. Румяные уста под длинными холеными усами презрительно сжимались. Большой шрам, след вражьей сабли, шел от правой щеки к переносице, странно отмечая это, еще молодое, но уже немало видевшее на своем веку, лицо.

– Гей, ты, кто кроется там в бесовом логовище, вылезай, што ли! – крикнул он зычным голосом, в то время как трое из его ватаги ринулись к Егору, стащили его с козел и скрутили поясами по рукам и ногам.

Все это произошло так быстро, что несчастный возница не успел даже крикнуть или попытаться защититься себя.

Внутри же каптаны было по-прежнему тихо как в могиле. Гробовым молчанием отвечали на приказ станичника сидевшие в ней. Только старик Терентьич, загородив своей плотной фигурой тонкую, статную фигурку юного князька, налаживал в темноте ручницу, наскоро схваченную из ближнего угла.

– Гей, кто там есть! Вылезай добром, не то худо будет! – снова прогремел своим громким голосом главный вожак шайки.

– Слышь, дядька, вылезать велит. Може и лучше так-то по-добру, по-здорову? – неверным голосом шепнул Алеша старику.

Он был очень бледен и взволнован. Пальцы, помимо воли, сжимали рукоятку детского чекана.

– Нишкни, детушка, нишкни! – замахал на него рукою Терентьич. – Може отмолчимся... А не то...

И верный дядька красноречиво потряс ручницей, готовясь дорого продать жизнь своего ненаглядного питомца.

В слюдовое оконце уже заглядывали бродяги.

Парень в алом кафтане первый ринулся вперед. Изо всей силы налег он на дверку и в один миг высадил ее своими могучими плечами.

– Вона где голубчики притаились, старый ворон да молодой ястребенок!

Ну, не погневайтесь, чин-чином, вылезайте, бояре! – с каким-то злорадным смехом произнес он и осекся разом, так как Терентьич вскинул свой самопал и, не целясь, выпустил в богатыря-парня весь заряд из ручницы. Блеснул огонек, грянул выстрел. Молодец в алом каф-

¹² Широкий топор на длинной рукоятке.

¹³ Увесистый набалдашник на короткой палке, просто насаженный, прикованный звеньями или привязанный ремнями.

тане громко ахнул и с яростным проклятием схватился за плечо. Алая струя крови брызнула из раны...

– Никита Евсеич ранен! Гляди, робята! Держи старого филина! Вяжи его дьявола, и пашенка его заодно с ним! – бешеными криками загревели окружавшие каптану разбойники.

В один миг был обезоружен старый Терентьич. Его выволокли из возка, с ругательствами и проклятиями перекрутили ему руки веревками и потащили в чашу.

Следом за ним ринулся Алеша.

– Куда, ястребенок? – схватил его за руку один из станичников.

– И меня, и меня берите! Я заодно с дядькой, с Терентьичем... Жили вместе и помирать нам стало вместе, – сверкая глазами, крикнул отважный мальчик.

– Ишь ты какой прыткий! Помереть завсегда успеешь, – усмехнулся кто-то из бродяг, – прежде дай с твоим батькой справиться. Как он в нашего есаула пальнул! По головке за то, само собой, не погладим.

– Гей, – тут же добавил тот же голос, обращаясь к прочим станичникам, – пообчистите каптану, робята. Небось, немало в ней всякого добра да казны боярской припасено.

Едва было отдано это приказание, как несколько ражих молодцов кинулись к каптане и с диким остервенением принялись хозяйничать в ней.

Между тем раненый начальник, во главе небольшой кучки разбойников, углубился в чашу. Следом за ним вели связанных Терентьича и Егора. Подле злосчастного дядьки шагала Алеша, не отводя от Игната встревоженных глаз.

Вскоре меж деревьев замелькали огни, зачернели новые силуэты людей... Их собралось около сотни на огромной лесной поляне, у нескольких разложенных тут и там костров.

В стороне от других, у большого костра, на огне которого варилось что-то в тагане, подвешенном с помощью трех копий, сидел смуглый юноша с открытым веселым лицом, черными глазами и такими же кудрями, выбивавшимися из-под шапки.

На нем был такой же как и у раненого есаула наряд, только вместо всякого оружия, заткнутого у того за пояс, висела большая, тонкой работы, кривая турецкая сабля с осыпанной дорогими камнями рукояткой, так и бросавшаяся своим великолепием в глаза.

– Летали серые коршуны и выследили гнездо кукушки. С поживой тебя, есаул, – обнажая улыбкой белые зубы, произнес черноглазый, отодвигаясь от костра и уступая место раненому начальнику.

– Спасибо на такой поживе! Зацепил меня малость старикашка... Ну, да расправлюсь по-свойски с обидчиком моим. Помнит, небось, на том свету, каково из самопала палить в есаула, – зловеще сверкнув очами в сторону связанного Терентьича, проворчал тот.

– Давай его сюда, робя! Допрос ему чинить надо, – свирепо крикнул он тут же, обращаясь к приведшим пленника людям.

Сильным, грубым толчком выдвинули старика вперед.

– Ты – боярин? – резко спросил его есаул.

– В жизни им не бывал. Мы простые гости¹⁴ Московские, держали путь от престольного града домом обратно, – чуть внятно роняли дрожащие губы обезумевшего от ужаса Игната.

– А лари да укладки с добром это товары, што ли, скажешь?.. – криво усмехнулся есаул, невольно морщась от боли и зажимая рану у плеча.

– Товары и есть... Обменяли их на пермские гостинцы и везем домой...

Отпусти, милостивец, заставь Бога молить, – лепетал старик, падая на колени.

– То-то обменял! Что-то дюже много их накупил, старина! Ровно добро боярское... Ну, да ладно, поверим, коль не врешь. А парнишка этот – внучек твой, што ли? – также усмехаясь, продолжал свой допрос есаул.

¹⁴ Купцы.

– Внучек, со мной из Перми на Москву ездил, а сейчас вертает обратно, – словно обрадовавшись неожиданному исходу разговора подтвердил Терентьич.

– Красно придумал, старина, – неожиданно расхохотался есаул-разбойник, – да только внучек на тебя словно ни осанкой, ни обличьем не сходен. Да и по одеже разнится. Ишь, у него чекан-то, што у самого царевича, так камнями и играет. По всему видать боярское отродье! Да и ты ж, не во гневе буде сказано, старик, переодеванный, должно, боярин, из тех кровопивцев самых, што народ взятками да податями давят, да кровь христианскую сосут... Видать, што совесть у тебя нечиста, боярин, коли зачал палить ни за што, ни про што – здорово живешь. Гей, молодцы, вздернуть всех троих, и старичка речистого, и пашенка-внучка богоданного, да и возницу заодно! Все они переодеванные губители! Ишь, добра, народным потом добытого, прозапасли полну каптану, – присовокупил грозный есаул и махнул рукою.

С рыданьем и воплем повалился ему в ноги Терентьич.

– Батюшка, не губи! Милостивец, отпусти! Не за себя прошу. Паренька не казни, да Егорку. Ни в чем неповинны оба... Меня покарай, а их ослобони на волю, батюшка милостивец...

– То-то, милостивец!.. Запел соловьем... Душа в пятки... Вздернуть всех троих! – снова повысил свой и без того зычный голос начальник.

Три дюжих станичника кинулись к старцу, набросили ему на шею веревку и подтащили к толстостволой березе.

Не помня себя ринулся к дядьке Алеша, взмахнул игрушечным чеканом и дико вскрикнул:

– Не троньте дядьку, не то...

Но в тот же миг сильная рука обезоружила мальчика. Детский чекан очутился в руках одного из разбойников; другой крепко стиснул в своих мощных руках плечи Алеши.

Напрасно рвался мальчик к Терентьичу. Могучие пальцы станичника, словно клещами, впивались в его плечи. Он видел, как его дядьку подвели под огромный сук, как закинули на сук веревку и как медленно стало подниматься на ней грузное тело старика.

– Алешенька, светик, храни тебя Господь! – успел только произнести несчастный, и в последних конвульсиях дрогнуло мертвое тело Игната.

Дикий крик пронесся по поляне и как подкошенная былинка упал на траву сомлевший князек. Он не видел продолжения ужасной расправы, не видел, как рядом с мертвым дядькой повисло на суку и тело Егора. Не видел, как, обшарив каптану, станичники с богатой добычей присоединились к костру, как один из них, по приказу озверевшего от боли в плече есаула, подошел к нему, Алеше, и занес над его головой тяжелый бердыш.

– Стой! – крикнул внезапно черноглазый молодой разбойник. – Стой, Ермила!.. Ей, Никита Евсеич, отдай мне его, – обратился он к своему жестокому соседу, указывая глазами на обмершего Алешу.

– Што, сердцем стал больно жалостлив, Матюша? Ровно девка красная, засмеялся есаул. – По всякой падали кручиниться – кручины не хватит. Не по-казацки это... А еще подъесаулом назначен! Вот так подъесаул! Над всякой дохлятиной плачется, ровно баба слезливая.

– Нет! Не моги ты меня унижать, есаул, – вскакивая со своего места и вытягиваясь, как струна, во весь свой стройный рост, ответил черноглазый, – сам ведаешь, какая баба из меня вышла. Небось, николи не дрогнула рука Мещерякова... колот и рубил с плеча врагов народных. Неведома сердцу жалость была, а ныне она заговорила. И стыдного ничего тут нет... Обмер парнишка, а ты его мертвого прикончить велишь. Нешто ладно это? Нешто на то и поднялась вольница казацкая, штоб с ребятами малыми воевать?.. Ну, про старичишку, ляд с им, ничего не скажу. Он в тебя палил, за то и поплатился. Око за око, зуб за зуб... Возница тож волком смотрел. Но этот малец ни в чем неповинен. Вот што: видал мою саблю турскую?

Богатее и краше у самого атамана-батки не сыщешь... Сам салтан, поди, не носил такой-то. Снял я ее у воеводы того, што изрубили мы летось с отрядом.

Возьми ее у меня и носи на здоровье, а мне мальчонку за то отдай.

И быстро отцепив драгоценную саблю от пояса передал ее есаулу.

Замолк черноглазый и ярким взором вонзился в товарища, а у того зрачки так и загорелись. Турецкая сабля невиданной красоты давно пленяла его. Недолго колебался Никита Пан, – как звали раненого главаря шайки, – и ответил:

– Бери парнишку, Матвей, твой он... А за саблю турецкую великое тебе, большое спасибо. Уж больно под душе она мне пришлась...

И чуть не впервые улыбнулись суровые глаза есаула, впиваясь восхищенным взором в дорогой подарок.

Черноглазый Мещеряков даже вспыхнул от удовольствия, вскочил на ноги, отошел от костра и, быстро приблизившись к лежащему на траве Алеше, бережно поднял его, взвалил на плечи и понес бесчувственного в чашу леса.

Глава 3

ГРОЗНАЯ КАЗАЦКАЯ ВОЛЬНИЦА

Широко, вольно, плавно и красиво катит красавица Волга серебристую ленту своих тихо ропчущих вод. Зеленою осокой да пышными дремучими лесами поросла, убралась на диво красавица-река. Дробно рябит шалун-ветерок нескончаемую гладь ее хрустальных течений...

Крылатые белогрудые чайки носятся молнией над водяною гладью, то низко-низко купая серые крылья в студеной волне, то вздымаясь высоко к небу, плавно реют в голубоватой дали и оглашают диким и резким криком сонную тишину прибрежных лесов.

Впрочем, не всегда мертвая тишина царствует над Волгой. Часто победным боевым кликом оглашается красавица-река... Зашуршит, зашепчет прибрежная осока. Дрогнут камыши, и целая флотилия остроносых стругов и ладей заскользит правильной шеренгой, клоня долу концами весел гибкие, покорные стебли тростника. Одна за другой скользят лодки... Гребцы, как на подбор, молодец к молодцу. Глаза ястреба, рука – долот булатный, сила у всех богатырская. Гребут дружно, песни поют, звонкие молодецкие песни, про славные набеги, про житебыть вольной вольницы, про самих себя.

Междоусобные войны древних князей, издевательства татар, придавивших Русь своим тяжелым игом, неправильные подати и налоги, заставляли исстрадавшихся в нужде и насилиях жителей русских городов и деревень, а иной раз и дворовых холопов, притесняемых их господами боярами, бежать на окраину, в степь. Эти беглецы собирались в вольные бродячие дружины, ютились по берегам больших рек Волги и Дона и уходили далее в привольные, южные русские степи, на рубеж. Они-то и положили начало русскому казачеству. Само слово «казак» значит вольный человек. Эти вольные люди охотно принимали в свои дружины беглых преступников, татей и воров. Многие из казацких обществ селились по рубежу, образовывая станицы, и несли службу государеву, отражая нападение ногайцев и татар, которыми кишели южные степи. Другие жили разбоем и грабежом по широкой Волге и синему Дону, да по Каме-реке. Эти последние никому не давали спуска. Грабили купцов с товарами, русских и чужеземных, плавающих на судах по широким рекам. Ни князья, ни бояре, ни даже послы иноземные не имели от них пощады. Стаей диких коршунов нападали они на корабли и караваны, грабили их, безжалостно убивали купцов и путешественников, а добычу волокли в свой казацкий «круг»¹⁵ и здесь главный атаман-батка делил поровну всю награбленную добычу между своими удалыми дружинниками.

1564 год, ознаменовавшийся учреждением опричины царем Иоаном IV, увеличил такие вольные шайки до невероятных размеров.

Славный покоритель Казани и Астрахани, счастливый завоеватель Ливонских земель, грозный соперник короля польского Сигизмунда-Августа и шведского Густава-Вазы, – царь Иоанн Васильевич, после смерти любимой жены своей, царицы Анастасии и сына-первенца Дмитрия,¹⁶ заподозрил в их смерти своих давнишних врагов – бояр. Былая детская ненависть к своим бывшим воспитателям и притеснителям, управлявшим государством за его малолетством, вспыхнула теперь с новой силой в царе. Все припомнил боярам злопамятный Иоанн: и как потакали его дурным наклонностям бояре, и как отдаляли ближних людей от него, и как всячески проявляли над ним свою тяжелую власть. А тут еще при жизни царицы и царевича довелось жестоко заболеть царю и те же бояре, не желая присягать его преемнику, малютке Дмитрию, задумали присягнуть князю Владимиру Андреевичу Старицкому, двою-

¹⁵ Сходка, во время которой решались все дела вольной казацкой дружины.

¹⁶ Не надо смешивать первого, умершего в младенчестве, сына Иоанова Дмитрия с царевичем-отроком Дмитрием, убитым в Угличе.

родному брату царя. Все помнил Иоан, ничего не забыл. И теперь решил жестоко отомстить всем ненавистным ему боярам. Он начал с того, что отдалил от себя Адашева и священника Сильвестра, своих прежних любимцев, советами которых пользовался долгие годы. Кто-то из новых приближенных царя успел шепнуть убитому горем государю, что Сильвестр и Адашев отравили царицу Анастасию. Это и послужило началом кровавой драмы. Иоан назначил суд над своими недавними друзьями. По приговору этого суда Сильвестр был заточен в Соловецкую обитель, Адашева же бросили в тюрьму, где несчастный скоро покончил с собою. Между тем царь переехал из столицы в Александровскую слободу и занялся там устройством опричины, той удалой дружины телохранителей, которые готовы были в огонь и в воду за своего царя. С этими-то опричниками.¹⁷ На содержание опричников были отданы многие города, а в самой Москве даже некоторые улицы. Все остальное составляло земщину, порученную Государственной Думе с боярами Мстиславским и Бельским во главе, по большей части худородными дворянами и детьми служилых людей, во главе которых стоял сделавшийся главным и ближайшим советником царя Малюта Скуратов-Бельский, Иоан выводил крамолу из среды боярской. Достаточно было кому-либо из опричников оговорить боярина, будь это даже самый прославленный в боях воевода-герой, его ожидали лютые муки в застенке палача Малюты и неизбежная казнь. Кровь полилась рекою по Руси православной. Стон стоном повис над Московской землей.

Жадные и лютые, новые слуги государевы – опричники, желая поживиться за счет казны именитых людей, оговаривали то того, то другого из земских бояр перед Иоаном. И несчастного боярина, чаще всего неповинного, брали в застенки, пытали до смерти, иногда со всей семьей, а все его богатства, вотчины и имение отдавались клеветникам.

Лучшие имена именитых людей были вычеркнуты из списка живущих. Брат Алексея Адашева, Даниил, князь Дмитрий Овчина-Оболенский, прославленный воевода, князь Михаил Репнин, Курпины, Колычевы и другие, без числа и счета, погибали мученической смертью по приказу царя. Погиб Владимир, князь Старицкий с семьей, погиб и свергнутый митрополит Филипп за его «печалование» перед царем за осужденных. Многие бояре, князья и именитые люди, в ужасе перед лютыми муками на дыбе или под ножом палача, бежали за литовский рубеж и переходили на службу к польскому королю Сигизмунду.

Знаменитый князь Курбский, Черкасские, Вишневецкие нашли себе новое отечество в Польше. Их холопы бежали также, зная обычаи царя губить не только самого оговоренного боярина с семьей, но и всю дворню боярскую, а нередко и целые деревни, принадлежащие обреченному на смерть. И холопы, и крестьяне бежали сотнями в привольные степи и на берега Волги и Дона, где «гуляли» вольные казацкие дружины, разбоями и набегами запечатлевавшие каждый свой шаг.

Но больше всего здесь все же было недовольных правлением воевод да тяжелыми подаями, гнетом давившими обедневший голодный русский народ.

Гуляли казаки по Волге и Дону, приводя в страх и ужас купцов и гостей иноземных да воевод-бояр... Бедных людей казаки не трогали. Бедный человек всегда мог найти пристанище среди грозных вольных дружин. Грабили и убивали тех, кто наживал тяжелую мошну обманым торгом, богатеев-купцов, своих и иноземных. Не раз схватывались также казаки с кочевыми племенами ногайских и крымских орд, уходя далеко в степи, всюду прославляя могучее удалое имя казацкой вольницы – Поволжской и Донской.

Много слышал Иоан жалоб на кровавые расправы вольных казаков. Грозный царь слал сильные отряды ловить разбойников, обещал богатые награды за головы их главных вождей, заочно приговаривал к плахе удалых атаманов. Но неуловимы были шайки вольных молодцов... Сама Волга-матушка да Дон широкий, казалось, покровительствовали им, пряча в при-

¹⁷ Слово «опричник» происходит от «опричь», т. е. опричь царя (кроме царя) они никого не знали.

брежной осоке их мелкие струги от царских судов, да дремучие леса укрывали смельчаков под раскидистыми ветвями деревьев в невылазной угрюмой чаще...

Глава 4

ОРЕЛ ПОВОЛЖЬЯ. – КОРШУНЫ И ВОРОНЫ. – ПОГОНЯ

*Что сверху-то было Волги-матушки,
Выплывала то легка лодочка,
Уж и всем-то лодка изукрашена,
Парусами она изувешена,
Ружьёцами изуставлена.
У ней нос, корма раззолочены.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу стоит есаул с багром,
По краям лодки добры молодцы,
Среди лодки бел-тонкий шатер,
Во шатре лежит шелковый ковер,
Под ковром лежит золота казна,
На казне сидит красна девица;
Она плачет, как река льется,
В возрыданыи слово молвила:
«Не хороиш то мне сон привиделся,
Уж как у меня, красной девицы,
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплелась моя коса русая,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть расстреляну,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам срубят головы,
А мне девушке во тюрьме сидеть»...*

Дивно и громко несется песнь по зеркальной глади могучей реки.

Золотое солнце играет волной, дробясь миллиардами искр на хрустальной поверхности вод. Царственно-величаво в своих лесистых берегах катится красавица-Волга. То вздымаются к небу высокие гористые берега, то голой равниной стелются вдаль, туда, где синее небо граничит с зеленой степью.

Чуть шуршит прибрежная осока, низко склоняясь под могучими ударами гребцов... Ходко и стройно движется-скользит среди целого моря тростника утлая ладья. А песня несется все привольнее и шире, вылетая из груди четырех дюжих молодцов, сидящих на веслах.

Им подтягивает седой человек, стоящий на корме с правилом. Плотный, высокий, в дорогом кафтане из тонкого сукна, с массою оружия, привешенного у пояса, в расшитой шелками рубахе, выглядывающей из-за ворота кафтана, он так и дышит мощью и силой, не глядя на пожилые степенные годы. Высокая казацкая шапка съехала ему на темя и остриженные в кружок седоватые кудри падали вокруг умного, открытого лица. Возле него сидел на обрубке дерева, поставленном на дне лодки, человек лет тридцати, олицетворявший собою тип настоящего зрелого красавца-мужчины. Широкие могучие плечи, стройный, на диво сложенный

богатырский стан, не столько высокий, сколько сильный и мощный, смуглое, румяное лицо, орлиный взор светлых, словно душу прожигающих, горячих глаз, странно дисгармонирующих со смуглой кожей и черной шапкой смоляных кудрей и черною же бородою. Что-то властное, привыкшее повелевать было в его сильной богатырской фигуре и в светлых искрометных очах, спорящих в блеске с самим солнцем. Гордые, смело очерченные губы, плотно сжатые под черными же усами, и широкие густые брови, сошедшиеся над переносицей, делали его внешность незаурядной, величественной и красивой. В белой шелковой рубахе, расшитой по вороту и краям рукавов пышным узором из крупных бурмицких зерен, с золотой тесьмой опояски, он не имел и следа оружия при себе. Только из-за голенища торчал короткий нож, сверкающий в лучах солнца разукрашенной камнями рукояткою.

Бархатный с парчовой тесьмой кафтан был небрежно накинута на плечи. С непокрытой головой, предоставив свои черные кудри ласке солнечных лучей, он сидел в глубокой задумчивости на дне лодки, как бы убаюканный пением гребцов...

А песня лилась широкою волною, то сливаясь с нежным рокотом быстрой речной волны, то отделяясь от нее зычным победным звуком и вспугивая белогрудых чаек среди густых зарослей и золотистого тростника.

Седой человек, стоявший на правиле лодки, долго смотрел на задумчивого богатыря. Наконец не вытерпел, положил на дно челна шест, которым правил, и, подойдя к чернявому молодцу и коснувшись его плеча рукою, спросил с заметной ноткой почтительности в голосе:

– Што закручинился, атаман-батка? Аль не весело тебе?.. Аль и песня не тешит?

– Не весело, Иваныч, – слегка дрогнув от неожиданности своим мощным телом, отвечал тот. – Как рассказал ты мне про ночное гульбище ребят наших, Никитки Пана с шайкой его, так ровно ножом мне мысль голову резанула: пошто убили старика и возницу наши молодцы? Пошто мальчонка запужали до смерти?

– Да старик-то с возницей, бают наши, переодеванные бояре были. Из ручницы зачали палить, старик Микитку ранил. Ну и того, значит, озверел Микитка. Сам ведаешь, не из кротких он... С той поры как прикончили у его на глазах невесту опричники царские, поклялся он мстить всем слугам Ивановым без разбору и суда, – все так же почтительно докладывал седой человек.

– Зверь-человек, што и говорить, не помилует и сирот... А по мне, Ваня, чем меньше крови на душе, тем легче живется. Врагов народных, кровопивцев-бояр да опричников кровешных, да купцов-лихоимов аль воевод-взяточников, ну, этим я первый без жалости нож в сердце всажу... А те, што тихо да мирно путь держат и никому зла не чинят, их мово приказу губить не было. Так ли я говорю, есаул?

– Так-то так, атаман-батка! А только и то помысли: нешто нам молодцов наших сдержать? Кровь-то у них горячая, што огонь... Зайдутся, удержу нет... Хошь бы и ты, не прогневись на верном слове, хошь бы и тебя взять в младости твоей: небось загубил ненароком не едину душу неповинную, – тихо, чуть слышно, произнес старый есаул.

– Загубил, Ваня, – сильно вздрогнув и нахмутив свои черные брови, произнес атаман, – помню, на Дону то было... Еще при славном атамане Михаиле Черкашенине.¹⁸ От Азова за Дон забежала часть его шайки на Волгу, к нам.

Гуляли на просторе вместиах. Вместиах же ограбили и караван купцов от Астраханского юрта с кизыльбацким товаром и шемаханскими шелками, пробиравшийся по Волге... Ну, это пронюхали о них молодцы. Чин чином, как водится, засели со стругами в осоке. Подплыло судно, подпустили, напали, как всегда... Ну, резня это... пальба... рубка... а апосля дележ. Только вижу я не все люди с суденышка сняты да перебиты. Сидит это старикашка плюгавенький, не то турка, не то пес... У самого зубы со страха лязгают да глаза, ровно мыши,

¹⁸ Знаменитый в свое время атаман Донского и Азовского казачества.

бегают. А в руках штука парчи; к груди прижал, держит крепко. Подошел это я к ему, наклонился, а он, откуда ни возьмись, нож острый из мошны вытащил да и грозит им. Рассвирипел я, зашло во мне сердце. Мне бы его обезоружить, а я, грешен, чекан из-за пояса выхватил да тем чеканом старикашку по темени и хват... Мозги наружу... и ахнуть не успел... Кровью чоботы мне да полу кафтана покрасил... А зубами, кажись, и мертвый лязгал, пока не убрали его, глазами как-то страшно, с укором смотрел. Индо душу мне вывернул... И долго чудился мне его взгляд... С той поры закаялся я проливать кровь неповинную, Ваня, – тихо закончил свой рассказ атаман.

А песнь все развertyвалась, все шире, все мощнее и вольнее расплывалась на речном просторе. Вдыхал тростник. Шуршала осока.

Скользила под могучими ударами весел ладья.

Вдруг смолкла, оборвалась песня на полуслове. Крик иволги пронесся и замер в прибрежном лесу.

– Наши вестуют. Ястребовое гнездышко близко, – разом, оживляясь, произнес атаман и, поднявшись с места, вытянулся во весь рост, приложил руку ко рту и протяжно свистнул.

Ему ответили криком горлинки из чащи, и вслед за тем отдельно и часто закуковала кукушка.

– Приставай, робя! Слышь, молодцы наши голос подают. Причаливай! – снова отдал приказ атаман, и, когда ладья незаметно подплыла к песчаной отмели и ударилась носом в песок, он первый выскочил на берег. За ним вышли его спутники. Лодку привязали к прибрежной осоке и, поклав снасти на дно, двинулись от берега в лесную чащу.

Сделав с полсотни шагов, все четверо остановились. Снова приложил руку ко рту атаман и на этот раз карканье ворона огласило лес. Из чащи отвечали таким же карканьем. Путники прошли еще немного и очутились на большой лесной поляне, окруженной непроходимой чащей лиственных деревьев.

Срубленные пни, торчавшие на каждом шагу, показывали, что еще недавно это место было так же густо, как и окружающая его чаща. Теперь, вместо великанов-деревьев, были разбросаны на каждом шагу шатры и шалаши из ветвей и листьев.

Посреди поляны, тут и там, сидели люди большими группами, одетые кто во что попало. Мелькали здесь и нарядные кафтаны, и посконные рваные мужицкие сермяги, и зипуны, и старые шапки. В оружии, имевшемся у них, замечалось тоже огромное различие: иные были вооружены бердышами, чеканами, саблями, иные кистенями и ножами, а то и просто дубинами.

Среди бродяг богатством наряда и обилием вооружения выделялись трое.

Тут был и суровый Никита с рубцом на лице и плотно перевязанным холстиной раненым плечом, прозванный Паном за его польское происхождение, и черноглазый молодой Матвей Мещеряков, и Яков Михайлов, старший из подьесаулов, угрюмый, с нависшими бровями, старик, прозванный Волком за его хищные редкие зубы, за блуждающий взгляд и полное отсутствие милосердия в делах нападения и разбоя. Он стоял посреди большой группы людей и что-то оживленно рассказывал окружающим.

Остальные разбойники почтительно поглядывали на этих троих, отчаянной удачью прославившихся, людей.

Лишь только появился атаман со своими спутниками, все почтительно вскочили со своих мест, уступая ему дорогу. Шапки мигом послетели с казацких голов и вся поляна огласилась громким криком:

– Здрав будь, атаман-батько!

– Здорово, ребятушки! – сильным, звучным голосом отвечал вновь прибывший.

– Есаулу Ивану Ивановичу здоровьице! – новым криком пронеслось по лесу.

– Спасибо, братцы! – отвечал седоусый есаул.

Между тем острые глаза атамана обежали поляну.

– Не вертались дозорные? – спросил он, обращаясь к трем своим помощникам, стоявшим отдельно.

Старый Волк выдвинулся вперед.

– Не вертались, Ермак Тимофеич. А с ночи ушли. Вот ужо подыметсЯ солнышко, полдничаТЬ станем, глядишь, и подоспеют молодцы.

– А ты, Михалыч, откедова? Ишь кафтан на тебе еле жив – весь в дырках. Да и на лице тож царапины да кровь запеклась, – обратился Ермак (так звали атамана) к старику Волку.

Яков Михайлов только тряхнул плечами.

– На разведки ходил я, атаман. Самую чащею пробирался, – вишь, сучья да ветви искрованили рожу. Черных воронов выглядывать ходил...

– Ну, и што ж, выглядел? – живо вскинул на него глазами Ермак.

– Выглядел... Недаром волком меня зовут ребята наши. Инь глаза-то у меня, што у зверя лесного, да и чутье его же... Блиско, в десяти всего переходах¹⁹ вороны черные. Видимо-невидимо их, што твоя туча. А ведет их боярин-князь Одадуrow, воевода царский. К самой голове рати я подползал, в кустах хоронился, да в дуплах дерев... Все выглядел, все высмотрел, батько-атаман. Небось ни один из их не пронюхал, что Михайлов Яков, по коему застенок Малютин плачет, на воеводское пресветлое личико близехонько любовался, – со смехом заключил свою речь старик.

Захохотали и остальные разбойники. Веселым гомоном оживился лес.

– Ай да Волк! Ай да Яков Михалыч! На воеводское личико, бишь, налюбовался! – с нескрываемым восхищением повторяли в группах.

– Молодец, Яша! Век не забуду, – сильно ударив его по плечу могучей рукою, крикнул Ермак, и острые глаза его вспыхнули ярким огнем. – Жалую тебя кафтаном с плеч того воеводы.

– Слышь, робята? Слышь? – так и всколыхнулся Яков, – кафтан мне атаманом княжий пожалован! Стало с самим князем и расправа моя!

– Твоя, подъесаул... твоя, дедка! Што и говорить, заслужил, отозвались громкие голоса со всей поляны.

– А людей наших не видал, Михалыч? – дав утихнуть крикам, снова обратился к старику Ермак.

Старый Волк хотел ответить и не успел. Топот нескольких десятков копыт послышался в чаще. Точно несколько человек сломя голову неслись на конях по лесу.

Ермак выпрямился и насторожился. Орлиные очи его впились в чащу, как бы прорезывая густую листву деревьев и кустов.

– Ребята, го-то-о-всья! – умышленно замедленным шепотом, но громко и сильно, пронесся вслед затем его голос по поляне.

Как действием волшебства оживилась по этому крику поляна. Со всех концов ее к середине кидались люди, спешно хватая оружие – самопалы, бердыши и ножи. В боевом порядке становились разбойники, развертываясь правильным четырехугольником, готовые к бою. Впереди всех стоял атаман.

Его орлиный взор по-прежнему не отрывался от чащи. Седоусый есаул Кольцо встал возле атамана. Все взоры впились в Ермака. Все ждали, готовые грудью постоять за свою свободу, за вольные головы казацких дружин... Казалось, поведи только черною бровью храбрец-атаман, и вся эта горсть смельчаков ринется вперед навстречу еще невидимому врагу.

Топот слышался все ближе и ближе... Вот замелькали цветные кафтаны в зеленой листве.

– Го-то-о-всья! – еще раз пронеслось по лесу.

¹⁹ Верстах.

Почти одновременно с этим выскочили из чащи с десятков верховых на быстрых и рослых конях, убранных чепраками.

– Наши! – вырвалось разом удивленным возгласом из нескольких сотен грудей.

– И впрямь наши! Дозорные вернулись! – весело и радостно крикнул Ермак. – Да и с прибылью никак!.. Коней, гляди, робя, пригнали!

– И то с прибылью! – весело крикнул черноглазый Мещеряк, скакавший впереди всех на дивном, белом, как снег, аргамаке, – воеводовым конем тебе челом бью, атаман! – и спрыгнул с лошади на всем скаку, веселый, радостный, так и сверкая темным взором. За ним спешились и все остальные.

Это были все молодые, сильные казаки, как на подбор молодец к молодцу.

Ничего хищного, ни разбойничьего не было в их мужественных, дышащих удаєю, лицах.

– Здорово, Мещеря! Отколь выудил коньков? – спросил молодца-юношу Ермак Тимофеич.

– Из-под самого носа воеводиной рати стянул, атаман, – бодро и весело отвечал тот. – Вишь притомились царские дружинники-стрельцы да дети боярские: на привале полдничают да соснуть полегли. Больно крепки чарки зелена вина, видно, у царской рати. Ну, а кони на траве стреножены, паслись... Я, да Ивашка Гвоздь, да Соловейка, да Петрушка-Пушкарь ползком до часовых и добрались. Их похватили, перевязали, рты позаткнули, а сами коней подхватили да сюда. Проснется воевода – на палочке верхом поскачет, его сподручные тож, – с хохотом закончил свою речь черноглазый Матвей.

– Ай да Мещеря! Ай да хват-парень! – захохотал и Ермак. – Видано ли дело, штоб из-под самого носу воеводы коней увести!

За ним хохотали и все разбойники, находившиеся на поляне. Снова ожила дремучая чаща Поволжья и сотнями голосов прокатилась эхом, замирая в хрустальных волнах соседки-Волги. Казалось, глядя на все эти беспечно смеющиеся лица, что не душегубы-станичники это, готовые, как звери, броситься с ножами на добычу, а веселый, добродушный народ собрался поболтать и побалаясничать в лесной чаще.

Но вдруг снова все смолкло...

Лицо черноокого Матвея сразу стало серьезным.

– Слушай, атаман-батька, – произнес громко юноша, – кони-конями, а рать – ратью. Черные вороны по следам нашим идут; напали верно... Всего в пяти переходах от нас они. Сниматься надо да утекать, не то нагрянут...

Видимо-невидимо их нагнал: передовой отряд воеводский и то змеей растянулся длинной, на два перехода хватит.

– С тыщу будет? – небрежно кинул Ермак.

– Какое? Тыщи с три, а то и более! К ночи ждать беспрерывно надо...

– Зачем ждать, – усмехнулся Ермак. – Когда черные вороны тучей на коршуна несутся, коршун к небу вздымется и пойдет на улет. Не соромно то, не зазорно, – все же коршун выше да могучей, все же не одолеть его стае вороньей! – презрительно повел плечами атаман.

Потом, помолчав немного, он словно раздумал. Спустя несколько минут громким кликом далеко раскатился его могучий голос:

– На струг, робята! Живо! На струг!

Ожила мигом поляна. Забегали, засуетились люди, собираясь в путь.

Снимали шатры, убирали всякие признаки жилья-стоянки. Каждый хлопотал за себя и за других. Ермак отошел к стороне, терпеливо выжидая окончания сборов.

Целый план роился в этой гордой вольной голове, по которой давно тосковала Московская плаха.

Гроза Поволжья не любил утека, как он называл бегство от царских дружин, но он не был волен в своих чувствах. Его пятисотенная дружина лежала целиком на его совести. Будь

он один, бобылем, без этой вольницы, прославившей себя разбойничьими удалыми делами, он бы не бежал, как ночной вор, а дорого бы продал царскому воеводе свою удалую головушку! Прежде чем одолели бы его ратники-стрельцы, он не мало искрошил бы их своей казацкой саблей.

Но не один он, Ермак. Он отец всех этих удальцов, деливших с ним радость и горе казацкой жизни. Они его выбрали своим атаманом-батькой, вверили ему свою судьбу, должен же он охранять их буйные, смелые головы.

Многих из них ждут-недождутся палачи. Иван Кольцо, ближний советник и есаул Ермака, давно заочно приговорен к мучительной казни четвертованием; Волк, Михайлов Яков, бежал из застенка; Никита Пан приговорен с ними; о нем, Ермаке, и говорить нечего: лютые муки ждут его в Москве. По нем, как по травленному зверю, гонится царская погоня. Все Поволжье занято московским дружинами. Надо спастись, уносить свою шкуру. Не за себя жутко атаману, а за тех, которые слепо доверили ему свою судьбу.

Любит он их всех, могучий атаман. Дорог ему каждый из этих отчаянных удальцов, с которыми протекли вольные годы его бесшабашной казацкой жизни.

И пока собираются его дружинники в дальний путь, он сидит с глубокой думой, поникнув головою.

– Атаман-батька, – слышится ему тихий голос, – дозвожь слово молвить.

Просьбишка у меня до тебя малая есть.

Ермак быстро поднял чернокудрую голову. Юноша Мещеряк, его любимец, удалец-подъесаул, стоит перед ним.

– Выкладывай, Мещеря, – ласково, окинув казака своим орлиным взором, произнес атаман и дружески хлопнул по плечу черноглазого Матвея. – Вместе щи хлебаем, авось вместе и беду разжеем.

– Не беда это, батька, а зацепа одна, – тряхнув кудрями, произнес Мещеряк. – В шалаше у меня мальчонка лежит недужный, тот самый, коего я у Микиты на саблю обменял. Так дозвожь его с собой прихватить, Ермак Тимофеич.

– Да стоит ли, Мещеря? Он тебе руки свяжет, а все одно, сказывали молодцы, не жилец он, не сегодня-завтра помрет.

– Не жилец, это верно, атаман.

– Так, може, царским ратям его оставить? Не найдет ли родичей ненароком али ближних знакомцев своих. Устроить бы его как-нибудь повиднее в шалаше. Найдут его царские дружины.

– Так-то так, атаман, а только жалко мне што-то оставлять врагам нашим мальчонку. Уж больно он мне братишку напомнил. Был у меня братишка, атаман, Ванюшкой звали... Помер в молодых годах. Такой же пригожий да нежный, как боярчик этот! Так того... Дозвожь мне его при стане держать, атаман.

– Ну, держи, парень, нет на том моего запрета. Лишь бы не помер на пути мальчуга. Дальний путь будет, в прикамские леса мы на стругах поплывем, – серьезно и тихо приказал Ермак.

– Попытаю уберечь, атаман!.. Спасибо на добром слове. Уж больно на Ванюшку он обликом схож.

И низко поклонившись начальнику, Мещеряк кинулся к небольшому шалашу, стоявшему на дальнем конце поляны.

Ермак долго смотрел ему вслед, пока не скрылась под темным навесом сильная, рослая фигура юноши.

– Ишь, жалостливый! А ведь доведись до схватки – и старого, и малого ножом пырнет... – чуть усмехнувшись, прошептали его губы.

И, словно встряхнувшись, быстро поднялся с места Ермак и протяжно свистнул три раза. В один миг вся его дружина была вокруг своего атамана.

– Готовы, робя? – прозвучал его громкий возглас.

– Готовы, атаман! – дружным хором отвечал весь стан.

– На-а стру-уг! – раздалась команда. – Коней воеводских разнуздать и пустить по степи, пушай ногойцы ловят!.. С конями возжаться не надо. А поляну с четырех концов запалить! Пушай господин воевода дыму до отвала налопается, вражий сын! – сверкнув глазами, приказал коротко Ермак.

– Близехонько уж, поди, они, – вставил свое слово есаул Кольцо.

– А нуть-ка, Яша, послушай малость, – обратился атаман к Волку.

Тот камнем упал наземь и приложил ухо к траве.

– Топочат, батька... Грохоту навели... Дрожит земля; поди, бегут бегом; накрыть мыслят, – обрывисто докладывал старик.

– Во-во! Сейчас тебя и нагонят! Держи мошну²⁰ шире, засмеялся Ермак. – Дрова покладены, костер горит, котел шумит, сварена ли каша, вольные братцы-казаки?

– Сварена, атаман, хлебать надо.

– Похлебаем артелью, когда полдник придет, а пока што ложки, да плошки, да посуду клади, да нового места к вечеру ищи! Коршун вьется, кукушка плачет... где-то сядет, на чьем гнезде? Время не терпит, гайда на струг! – закончил атаман свою речь, типичную, разбойничью, полную сравнений и недосказок.

– На струг! – в голос повторили за ним разбойники и чин чином, правильными рядами, двинулись, неся каждое оружие и припасы к реке, где, спрятанные в тростниках, их ждали струги, весла и паруса, готовые всегда на случай отступления.

Ермак еще оставался на поляне. Когда последние ряды его пятисотенной с лишком рати двинулись гуськом к реке под предводительством есаула Кольцо, он подозвал Никиту Пана и Волка и еще трех, оставшихся при конях, станичников и что-то приказал им. В один миг три молодых разбойника высекли огонь при помощи кремня и трута и, привязав пучки сухих листьев и хвороста к стволам старых деревьев, подожгли в нескольких местах место недавней стоянки.

Лошади при виде пламени зафыркали, затопали копытами, дико поводя испуганными глазами. Один из станичников взмахнул по воздуху нагайкой; они взвились на дыбы и с диким ржанием понеслись, обезумев, в самую чащу, минуя пылающие древесные столбы.

– Лихо! Ой лихо! – блеснув глазами, крикнул Ермак и, махнув оставшимся станищикам следовать за ним, быстрыми шагами направился к реке догонять свою дружину.

За ним поспешили и остальные.

В ту же минуту открылась самодельная дверь шалаша, и на ее пороге появился Матвей Мещеряк с тяжелой ношей в руках, бережно завернутой полами кафтана.

²⁰ Карман.

Глава 5 НЕДУЖНЫЙ

Ночь... Тьма крошечная заволокла густые заросли Поволжских лесов.

Мрак спустился по берегу. Но на реке светло. Серебряный месяц сияет во всю... Плавленным серебром в этом сиянии кажется Волга. Где-то далеко плачет в тростниках какая-то ночная птица. Глухо шуршит осока. В высоких камышах чувствуется жизнь. Они то низко склоняются к серебряной воде, то гордо выпрямляются, точно тянутся навстречу лунному сиянию. От месяца по реке идет дорожка. Она как будто манит, зовет к себе...

Низко еще раз наклонились камыши, и из чащи их выплывает струг. За ним второй, третий, четвертый... Целая флотилия стругов, целая вереница их. Вот миновали тенью покрытые места и въехали в серебряную дорожку. На носу передовой лодки, весь облитый прихотливым сиянием месяца, точно статуя, вылитая из серебра, стоит Ермак. Как зачарованный смотрит атаман на месяц, а мысли докучным роем носятся в его голове. Которые сутки почти вровень с ними, берегом только, идут царские дружины. Будь он со своими молодцами на берегу, то давно бы нагнали и похватили их государевы ратники. Да только ошиблись. Не так-то глупы они, чтоб попасться впросак.

И невдомек воеводам царя Ивана, что скользят его, Ермака, ребята почти рядом с ними, скрытые только камышами да ночною тьмою.

«Эх, до Камы бы добраться, – спасены тогда! На Каму не пойдут царские дружины... Знают, што с Волги-матушки не уйдет он, Ермак. Эх, кабы Кама поскорее!» – взволнованно роется в мозгу атамана горячая мысль.

Тихо на лодках. Не слышно песен. Словно не живые люди гребут в ладьях. Все знают серьезность минуты. Знают заветную мысль атамана проскользнуть невидимо на Каму, избежать неравного боя, обмануть намерение царской погони.

Только в одном из стругов слышится тихий разговор. Черноглазый юноша Мещеряк и седой Волк, Яков Михайлов, шепчутся, склонясь над кормой лодки, где на разостланном войлоке, покрытом пушистым ковром, – добычей последнего набега на алтайский караван, – лежит Алеша.

Уже около недели прошло с той роковой ночи, когда он был свидетелем гибели любимого дядьки, а мальчик все еще не приходит в себя. Жестокий недуг приковал его к месту. Память и сознание, казалось, навсегда отлетели от этой юной красивой головы. Он то мечется, горячий как огонь, на своем ложе, с лихорадочно-горящими глазами и пылающим лицом, то, с неестественной для больного силой, приподнимается на руках и полным ужаса и смертельного испуга взором уставится в одну точку. С его уст поминутно срываются дикие, бессвязные слова, то вдруг мучительный стон вырывается из груди. И тогда все красивое лицо мальчика искажается невыразимым страданием.

И так восьмые сутки мучается Алеша.

– Дедушка-Волк, – в непонятной тоске шепчет, склонившись над недужным князьком, Мещеряк, – много ты прожил на своем веку, много пережил, спаси ты мне парнишку... Заставь за себя Бога молить. Я же тебе услужу за это!

Чего хочешь требуй, – все выполню... Слышал, говорили ребята, што ты знахарствовал когда-то...

– Знахарствовал и то... За знахарство и на костер чуть было не угодил... Шибко не любит знахарей да ведунов Грозный государь-батюшка, чуть-чуть усмехнулся старый разбойник. – А только уж не знаю, как тебе помочь... Не трясовица, не огневица, не прочая болезнь у твоего парнишки... Испугался, шибко зашелся он и упало в нем сердце и покедова не надышится оно – так-то маяться и будет... А надышится...

- Выживет тогда? – живо сорвалось с губ Матвея.
- Выживет, паря.
- А коли не надышится?
- Ну, тогда шабаш – карачун.
- Помрет? – дрогнувшим звуком проронил Мещеряк.
- Лопнет сердце, зайдет и лопнет, – спокойным деловым тоном отвечал Волк.
- Стой, дедка. Никак говорит што-то парнишка.

И в одну минуту Матвей очутился на коленях перед Алешей и быстро приставил ухо к его губам. Чуть слышный стон вырвался из груди мальчика.

– Терентьич... дядька... голубчик, – беззвучно лепетал больной, куды они тебя... Не пушу... Не пушу, злодей... изверг... душегуб...

Дедушка... родненький... заступись... Дедушка... дедушка...

И он заметался на дне струга, как подстреленная птица.

– Ишь, сердешный, деда зовет, – произнес кто-то из гребцов.

– Ау твой дед! Давно его вороны съели!

Жалостно и с сочувствием дрогнули суровые лица находившихся в лодке.

– Матвей Андреич, испить бы ему, – нерешительно произнес другой голос.

– И то... закрени сулеей²¹ водицы, Степа, приказал Волк.

Молодой разбойник отложил весла, взял со дна струга сулею и, перегнувшись через борт, зачерпнул ею серебристой хрустальной влаги, потом бережно поднес ко рту больного.

К полному изумлению присутствующих Алеша отхлебнул из сулеи.

– Никак опамятовал? – затаив дыхание, прошептал Мещеряк.

– Опамятовал и то... Ну, таперича корешок я ему дам, пушай на гайтане²² носит, – произнес Яков Михайлов и, наклонившись над больным, стал возиться около него.

Бред мальчика становился между тем все неяснее, непонятнее. Он то звал деда и дядьку и беспокойно метался, то затихал на минуту, чтобы в следующую же снова стонать и метаться.

А ночь ползла и таяла, растворяясь в белесоватых пятнах рассвета.

Деревья на берегу принимали все более определенные очертания. Месяц побледнел и казался теперь жалким напоминанием недавнего серебряного ночного властителя ночи. Наконец, алая красавица-заря, словно пурпурной мантией, накрыла пробужденное небо...

Струги уже не скользили на вольном просторе реки. Скрытые осокой и тростником, они плыли в их чаще, невидимые в этом густом лесу.

– Скоро и Кама! – радостно произнес один из гребцов.

– Как выйдем на берег, оправится мальчонок, – мечтательно проговорил Мещеряк и замер от неожиданности...

Прямо на него сознательно смотрели широко открытые глаза больного две синие, ярко горящие звезды... Бледное, изможденное, исхудалое лицо повернулось в его сторону.

– Где я? – прошептали бледные, ссохшиеся от жара губы.

– У своих, родимый... Что, лучше тебе? – так и ринулся к мальчику обезумевший от радости Мещеря.

– А Терентьич где? Егорка? – с трудом роняли слово за словом слабые губы Алеши.

Глаза его тревожно обегали лодку. Вдруг все лицо его странно изменилось. Отчаяние, гнев и ужас отразились на нем... На корме поравнявшегося с ним струга стоял человек в алом кафтане с перевязанным плечом. Знакомые широкие глаза, длинные усы и шрам на щеке так и бросились в глаза больному.

И разом страшная картина гибели дядьки выплыла перед больным князьком.

²¹ Плоская склянка, посуда.

²² Шнурок, тесьма.

– Убийца Терентыча! – глухо вырвалось из груди Алеши и дикий вопль жалобным криком пронесся над рекой.

– Нишкни! Ишь, дьяволенок, выдаст нас всех с головой врагам! В мешок бы его, да в воду! – сверкнув своим жестким взглядом, произнес Никита и замахнулся бердышом.

Но в один прыжок черноглазый Мещеряк очутился в его струе.

– Слушай, Пан, – весь бледный и дрожащий от злобы ронял Матвей, коли ты еще хоть однажды такое слово речешь, – чеканом раскрою тебе темя, Господом Богом клянусь!

И не дождавшись ответа ошалевшего от неожиданности Никиты, Мещеря снова очутился подле бившегося в нечеловеческих воплях и рыданиях Алеши.

– Кама! Кама! – послышались сдержанные голоса в передовом круге.

Атаман точно проснулся от своей задумчивости; лицо его оживилось.

Прямо перед ним темной лавиной вливался в Волгу ее могучий многоводный приток.

– Спасены! – облегченно вздохнул всею грудью Ермак Тимофеич. Спасены! Царские воды не посмеют сунуться в глухие Прикамские чаши. Ни дорог в них, ни троп не проложено. А по глади водной не больно-то пеший пройдет, – торжествующе подсказывала услужливая мысль.

И ожил, встрепенулся Ермак.

– А ну-ка, братцы, грянем разудалую, – весело прозвучал его голос, когда струи уже более часа времени скользили в высоких зарослях Камских вод, – только не больно голосисто штобы. Не ведомо еще, далеко ли отстала погоня наша.

Едва успел произнести Ермак эти слова, как грянула веселая, удалая разбойничья песнь.

*Ой, гуляет, гуляет душа молодецкая,
Веселись на послед, удалой казачок.
Веселится, гуляет головушка буйная
Вдоль по Волге родной да по Каме реке.*

*Ой, гуляет, гуляет душа молодецкая,
Не долгонько гуляти тебе, удалой,
Налетят, словно вороны, вороги-ратники,
Разобьют удалую дружину твою.
Закуют тебя в цепи могучи, железные,
Отвезут на расправу в столицу Москву.*

*Ой, гуляет, гуляет душа молодецкая,
Да не долог, короток над молодым суд.
Клеици рвут ему тело могучее, белое;
Кровь казачья вокруг полилася струей.
На дыбах захрустели могучие косточки,
Издеваясь, ломает их лютый палач.*

*Ой, гуляет, гуляет душа молодецкая,
Не придется ей доле гулять удалой...
Уж на Лобном готовят столбы с перекладиной,
Уж как точит топор свой палач-богатырь,
Уж как море шумит округ плахи народ,
Ждет-пождет лютый казни души-казака...*

При первых же звуках песни Алеша затих и поднял свою кудрявую голову.

– Господи, што же это? Разбойники? Душегубы, а поют-то как, словно мамушка-кормилица над моей колыбелькой пела в детстве... – произносит он; медленно обводя взором вокруг себя, он встретился с сочувственными глазами черноглазого юноши.

– Што, паренек, легче ль тебе? – участливо спрашивает его тот и, протянув руку, ласково гладит мальчика по кудрявой голове.

Алеша хочет ответить и не может. Вся душа его рвется на части от боли и тоски. Как живой стоит перед ним загубленный Терентьич. Острая мука потери терзает сердце. Рыдания клокочут в горле... А между тем эта песня, что голосистой волной катится над рекою, это ласковое, заботливо-склоненное над ним лицо, эти мягкие черные глаза каким-то целебным бальзамом проливаются в душу мальчика. Он чувствует, что друг ему этот юноша, с красивыми черными глазами, что всей душой он сочувствует ему, и неясная мысль проносится в разом потускневшем сознании Алеша.

– Вот бы так-то под песню эту, под шепот осоки и тростника умереть бы, уснуть навеки, – собрав последние силы шепчет он чуть слышно, и его взгляд устремился на пригожее лицо Мещеряка. Помолчав немного, он обратился к Матвею:

– Слушай, молодец, возьми ты нож острый да пореши меня. Тошно мне!

Невмоготу маяться боле! Богом заклинаю тебя!

Снова впал в какое-то полузабытье Алеша. Не видит он больше испуганно склонившего над ним лица Матвея. Не то сон, не то грезы заволакивают усталый мозг больного. Не сон и не грезы это, а недавние воспоминания, картины прошлого, чуть задернутые какою-то сонною дымкой, носятся перед ним...

* * *

– Ай, да куды ж это ты запропастился, князенька? В самую чащу крапивницы угодил. Ишь, озорник, не приведи Господи! Вот постой-ка, уж нажалюсь на тебя князю-дедушке... Он тебе задаст...

Вся запыхавшаяся, красная, взволнованная ворчит мамушка Евстигнеевна, некогда выкормившая княжича Алешу, раздвинувшая полными белыми руками кусты малины, густо окруженные жгучей крапивой и лопухом.

Но синеокому красавчику Алеше не страшны угрозы мамушки. Синеглазый Алеша не боится дедушки. Ко всем строгий да требовательный, старый князь Серебряный-Оболенский, прославивший себя воеводскими делами под Казанским юртом и в землях Ливонских, души не чает в своем любимчике-внучке. Да и кого же жалеть, как не малютку-внучка, старому воеводе? Круглой сиротинкой после смерти отца и матери остался Алеша на руках князя. Скрашивает и облегчает жизнь старика своим детским лепетом красавчик-княжич. А и то сказать: невеселая жизнь воеводы, князя Серебряного. Когда-то одним из ближайших людей к царю считался боярин. Вместе Казань воевали с молодым царем. Но с тех пор немало воды утекло. Иными любимцами окружил себя Иоан.

Опричники встали грозною стеною между ним и прежними друзьями. Косится на былых своих боевых сподвижников государь. А как начались побег за рубеж Ливонский, и совсем отвернулся Иоан от земских бояр. А тут еще старый князь Репнин, товарищ Серебряного, поперечил как-то царю на пирном столении. Погиб старый боярин жестокой смертью: по дороге ко всеобщей убили князя Михаила опричники-палачи, а его друг Серебряный опале подвергся.

Но и в опале люди живут. Зажил и князь Серебряный-Оболенский в своих подмосковных хоромах, вдали от двора, на покое. Внука Алешу растит-воспитывает, балует и холит его. В этом вся радость, все счастье старого князя.

Любо живется в дедушкиной усадьбе княжичу. Родителей он своих не помнит. Не было еще и году дитяти, как умерли отец и мать. Мамушка Матреша выкормила его. Муж ее, Игнат Терентьич, верный слуга дедушкин, в дядьки ему поставлен.

Хорошо, как у Христа за пазухой, живется Алеше.

Длинными зимними вечерами, когда белые пелены снега саваном ложатся вокруг усадьбы, тепло и уютно в дедушкиной горнице. Сам дедушка-князь сидит в теплом кафтане на меху беличьем, да в домашней тафье, покрывающей серебряную, убеленную сединой, голову. А Алеша на коленях у деда примостился. Дивные были-сказки рассказывает ему дед: про казанский поход, про взятие непокорного татарского юрта, про пленение царевича Утемышь-Гирея, двухлетнего казанского царя, про грозного царя-батюшку, бывшего в ту пору милостивым да добрым, и про великое былое святой Руси...

Слушает эти рассказы мальчик, а у самого глазенки горят, лицо пылает.

– Постой, вырасту, деда, таким же воякой буду! – восторженно лепечет он и нежится, и ласкается к старому воеводе, счастливому от этих детских, неподкупных, искренних ласк.

Летом другие радости ждут Алешу. Поспевает ягода в дедушкином саду.

Малина да смородина, да наливной крыжовник зреют в зеленой чаще. Заберется туда ребенок, и мамушка все руки себе о кусты обдерет, прежде нежели найдет княжича. Ворчит, сердится, пожаловаться грозит. Малютка Алеша ластится к ней, целует няньку, а сам, чуть что, – снова в чащу кустов...

С пяти лет, вопреки обычаю, посадили за букварь Алешу. Сам дедушка учил внука, а не приходский поп, как это принято было в то время на Руси.²³ С дедушкой любящим начинает понимать грамоту Алеша. Понятливый он, толковый мальчик, и старый воевода Петр Семенович нередко с умиленной душой говорит после урока:

– Воистину на радость послан мне Алеша-светик. Сына отнял Господь внуком воздал Милостивец.

А время не шло, а бежало. И беда лихая стряслась над мирной семьей.

Подползла черной тучей страшная година.

Крымский хан Девлет-Гирей, давнишний враг Иоана, воспользовавшись войною русских с Ливонией, двинулся на Москву. Царь бросился под Серпухов стягивать войска, но крымцы обрушились с такой быстротой и силой, что не успел Грозный приготовиться к обороне и бежал с ближними телохранителями к Ростову. Хан подступил к Москве, сжег ее посады, и разгромив и похватав в плен более ста тысяч русских, сам испугался бушевавшего пламени и ушел назад в свои степи.

Алеша, тогда шестилетний мальчик, был свидетелем страшной картины.

Она и теперь, как живая, стоит перед ним.

Светло у них в горницах от грозного пламени. Бушует оно, как огненное море, кругом. А они с дедушкой спешно собираются в Москву. Татары близко.

Подожгли пригороды. С минуты на минуту надо ожидать неожиданных гостей. Во дворе колымаги наготове. Коней седлают для него и деда... Крошечный домишка есть у Терентьича в Москве, – за Матрешой Степановной в приданое он даден, – там и схоронят его с женщинами пока что. А сам дед тряхнет стариною, грудью встанет за московские святыни: клянется отбивать татар.

Бледен, но спокоен старый воевода. Отдает приказания твердым голосом дворне. Велит все, что из добра поценнее, под полом в мыльне²⁴ закопать. Быстро исполняют приказ своего хозяина холопы.

²³ Мальчиков-подростков в те времена учили священники или дьяки из ближайших церквей. Начало учения обставлялось всевозможными церемониями.

²⁴ В бане.

Через час пустеет усадьба. Вторгнувшиеся татары каким-то чудом не сожгли ее... А обитатели ее в Москву ускакали. Там стон-стоном стоит. Люди мечутся по площадям и улицам, как безумные. Вопли и плач повисли над столицей. Там пожар. Рвутся и жгутся несчастные москвитяне, и давят друг друга, и сотнями гибнут в Москве-реке, побуревшей от крови.

Страшные дни!.. Страшная картина!

И тотчас же, ей на смену, еще страшнее, еще мучительнее встает другая, новая картина перед затуманенными взорами больного Алеши.

Жаркое июльское утро. Отдаленные раскаты грома то и дело нарушают тишину. Сегодня Ильин день... Батюшка Илья-пророк на огненной колеснице катается по небу, гремят и гудят исполинские колеса его колымаги. Так объяснял грозу Алеше старый Терентьич. Но не верится что-то умному мальчику, что от колесницы и езды Ильи по небу происходит гроза. Дай-кося, спрошу у деда, – решает малютка и летит стрелой из сада в дом.

– Дедушка, родненький! – весело кричит он, вбегая в горницу, и вдруг замирает на месте: на лице старого князя трепет и отчаяние; старый Терентьич рыдает в углу.

– Что такое, дедушка? Деда! Ах, ты Господи!

Сильные руки Серебряного схватывают Алешу и трепетно прижимают к груди.

– Желанный! Светик мой! Пришло лихо на наши головы. Расстаться нам надо, Алешенька, покуда што... Очернили меня перед государем... В ссылку дальнюю велит собираться батюшка-государь. Ты не горюй, любимый... Даст Господь, обойдется гнев царя... А покуда с Терентьичем поживешь да с мамушкой... – шепчет взволнованно боярин-князь на ушко Алеше, а у самого голос дрожит и руки тоже. Крестит он этими дрожащими руками Алешу, целует, благословляет его. Слезы крупными жемчужинами катятся по щекам князя.

– Дедушка! Родненький! Да што ж это! Ужли расстаться! Не хочу! Не оставлю я тебя! Вместе в ссылку поедом! Не оставляй меня, дедушка!

Не договорил мальчик. Дикие, хорошо знакомые московским обывателям крики: «гайда! гайда!» и топот копыт послышались у ворот усадьбы.

Побледнел старый князь. Судорожно обнял внука и с рук на руки передал рыдающему дядьке.

– Сохрани мне его, Терентьич... Блюди пуще глаза... Господь с вами...

– Жизнью своей клянусь тебе на этом, батюшка-князь! – только и успел ответить верный слуга: во дворе уже мелькали зверские лица, песьи головы и метлы... Зазвенело оружие, залязгали сабли. Сам царь находился во главе отряда. Искраженное гневом лицо его подергивалось судорогой.

В какую-нибудь минуту весь отряд спешился и, бряцая саблями, чеканами и бердышами, опричники вошли на крыльцо.

Вне себя схватил старый Терентьич Алешу и, несмотря на крики и мольбы мальчика оставить его с дедом, силой унес потайным ходом из усадьбы.

А там уже в это время происходила кровавая расправа.

Скрыл от внука воевода страшную истину. Не о ссылке шепнули ему старые друзья, когда предупреждали о новой опале царя, обрушившейся на седую, славную победами голову князя... В тот же удушливый, грозный июльский полдень скатилась эта седая голова под ударом ножа одного из опричников царских... Следом за князем была зарезана и вся его дворня.

Покончив кровавое дело, опричники из усадьбы с их неизменным криком:

«гайда! гайда!» бросились в подмосковную вотчину Серебряного. И в тот же час и деревня, и жители – все погибло в огне пожара... Спасавшихся принимали на ножи и дорезывали тут же, несмотря на отчаянные крики и мольбы о помощи.

– «Каков поп – таков и приход. У крамольного боярина и слуги крамольные». Таков был девиз Иоана, которым он оправдывал свою жестокость.

Но о страшной расправе не скоро узнал маленький княжич. Щадя ребенка, долго скрывал от него печальную истину Терентьич. Нелегко было это несчастному, который вместе с любимым воеводой-хозяином потерял и жену: одновременно с дворней погибла жена Терентьича, Матрена Степановна, мамушка Алеши. Только темные ночи знали муки верного дядьки, оплакивавшего от зари до зари гибель любимой жены и господина...

Целых восемь лет Терентьичу, с племянником Егором, чудом уцелевшим от общей бойни, удалось скрывать в своем московском домишке маленького князя.

Теперь несчастный ребенок уже знал всю ужасную истину про гибель деда и без внутреннего содрогания не мог вспомнить о том. Но годы – лучшие целители душевных ран и страданий: затянулась и душевная рана Алеши, притупилось острое ощущение потери и горе. Не притупилась, однако, любовь к деду в сердце мальчика и не остыла ненависть к его погубителям-опричникам, сумевшим очернить невинного князя перед царем.

Но вот неожиданно, через восемь лет, новая туча собралась над головой Алеши. Кто-то из давних завистников покойного князя Серебряного-Оболенского дознался, что в маленьком домишке на окраинах Москвы живет таинственный отрок. Дознались и о происхождении этого отрока.

Подозрительные послухи и соглядатаи стали выслеживать и высматривать вокруг домика Игната. Испугался старик и, не долго думая, собрался в дорогу, откопал из подполицы разрушенной усадьбы все, припрятанные во времена страшного нашествия, богатства князя Серебряного и, купив дорожную колымагу и коней, вместе с Алешей и Егоркой, со всем добром юного княжича, усакал из Москвы, держа путь на север, куда редко заглядывали московские ищейки.

Думал старый Игнат где-нибудь в Пермском или Вологодском крае дать тихое и спокойное существование своему любимцу-княжичу, да судьба видно судила иначе.

Иную участь уготовила она верному слуге.

Глава 6

НОВЫЙ ДРУГ. – ВРАЖЬЕ СУДНО. – НЕЖДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Когда пришел снова в себя Алеша и открыл глаза, было почти темно...

Что-то странное происходило вокруг него. Ладьи, еще так недавно скользившие в зарослях тростников, теперь, выплыв на середину реки и сгруппировавшись, теснились одна к другой.

Несмотря на мучительную слабость, сковавшую его члены, Алеша мог заметить какие-то необычайные приготовления в ладьях. Разбойники, побросав весла, спешно заряжали самопалы и ручницы, вытаскивали оружие из ножен и тут же, лязгая металлом, точили их. И черноглазый юноша, лицо которого так часто в полузабытии видал склонившимся над собой Алеша, тоже суетился и отдавал вполголоса приказания людям, находившимся с ним в одной лодке.

Увидя, что его пленник пришел в себя, черноглазый юноша быстро подошел к нему и, пощупав голову Алеша, произнес тихо:

– Слава те Господи... Спала огневица... Не горит, как намеднись...

Може хочешь испить водицы? – спросил он.

– Испил бы, – чуть слышно отвечал больной.

Это было первое слово, обращенное им к разбойнику.

– Пей во здравьице. Вода чистая, студеная, Камская водица, – радостно отозвался Мещеряк и поднес полный ковш к губам мальчика.

Тот долго не отрывался от ковша, с наслаждением глотая живительную влагу. Казалось, с нею возвращались здоровье и силы княжичу. В болезни Алеша наступил тот неизбежный перелом, после которого человек или умирает, или быстрыми шагами идет по пути к выздоровлению.

– Спасибо, – отводя рукой ковш, слабо произнесли его губы в то время, как глаза беспокойно обегали взором кругом. В глубине их засветилась тревога.

Матвей Мещеряк сразу угадал, что волнует больного.

– Ты того... не сумлевайся... В обиду не дам, – заговорил он, любовно глядя мягкие, как лен, кудри Алеша. – Вишь, наши передовые доглядели вражье судно, наперерез нам идет... Видно перехитрили нас государевы воеводы, выслали рекою дружину свою... Ну, да ладно, не в первой... Раньше восхода не бросятся... А мы тем временем, как стемнеет, ударим на их... Ты не пугайся... Грохот пойдет, пальба... Я тебя огорожу коврами... Будто в шатре, али в зыбке будешь... Стрелецкая пуля не тронет, небось... И к запасной ладье перенесу тебя, и в камышах схороню, а как кончится бой, то я к тебе назад живо... И пищаль тебе приволоку в гостинец, знатную пищаль, московскую, – пошутил молодой разбойник, обнажая улыбкой белые зубы.

– Не надо пищаль мне, гостинца не надо!.. Людей убивать будут!..

Опять убивать! – беспокойно забился и затрепетал, побледневший как плат, Алеша.

– Да ведь вороги это... Не мы их, так они нас... – оправдывался Матвей.

– Все едино кровь... кровь проливать станут... – метался в смертельной тоске и ужасе мальчик.

Встревожился глядя на него и Мещеряк. Чего доброго помрет парнишка, мелькнуло в мыслях молодого разбойника, и он сам был не рад, что поведал больному о предстоящем бое. Но как же было поступить иначе?.. Мальчик мог бы услышать пальбу, увидеть битву и тогда бы испугался вдвое.

«Ужели же помрет?» – с тоскою думал Матвей.

Недужный пленник делался ему все дороже и милее с каждой минутой. Его неотразимо влекло к себе печальное личико, синие ясные глаза Алеши. Немало на своем коротком веку погубил душ Мещеряк, чернее черной ночи были помыслы его порой, а этот чистый отрок со своей трогательной, вымученной недугом красотой, точно прирос к его сердцу. И при виде его далеким, позабытым детством и ласками матери повеяло на Матвея... Казалось, воскрес его братишка, покойный Ванюшка, и глядит на него своим детским, чистым взглядом.

– Слушай, паря, – произнес словно осененный такою мыслью Мещеряк, пушай я злодей и вор, но с тобою больно сердцем размяк, што твоя баба заправская... Ей Богу!.. Полюбился ты мне, паренек, пуше родного...

Впервые сердце узнал после давних пор... Бывало, рубит, бьет с плеча Мещеряк, жизнь – копейка, грош, – задаром отдам... А ныне пожить больно охоч я стал... Для тебя ради... Вот и мыслю, перед ночью дело будет, слышь, судно вражье близехонько, поди, – так того, не больно-то охоч, штоб убили... Помолись за меня, паренек... – неожиданно заключил свою речь Матвей, опустив свои черные глаза долу.

Алеша поднял взор на юношу. Смущенное молодое лицо и почти робкие, точно смежавшиеся глаза, сразу расположили его в свою пользу. Точно что ущипнуло его за сердце. И невольная мысль толкнулась в мозг:

«А може и жизнью своей я обязан юноше этому?» – и, не медля более, Алеша спросил слабым голосом:

– Скажи, Христа ради, не ты ли вызволил меня из петли?

Ниже потупил голову Матвей.

Жаркий стыд прожег его душу.

– Тебя-то вызволил, а ближних твоих не сумел, – казалось, без слов говорило все его смущенное лицо.

Но Алеше не надо было ответа.

Худенькая ручонка больного протянулась к разбойнику.

– Помолюсь за тебя, – произнес он тихо, – и дедушку, и Терентыча покойного попрошу помолиться за тебя... Скажи только, как звать тебя? – еще тише, сквозь набежавшие слезы при одной мысли о погибшем дядьке, спросил князек.

– Матвеем, – произнесли негромко губы Мещеряка.

– Матвеем... Матюшей... – повторил больной, – храни тебя Бог, Матюша... А вот еще... сними с меня гайтан с тельником и себе надень его на грудь, а твой мне передай... Тельник благословенный... дедушка покойный им меня благословил от беды, во имя Бога... – закончил с трудом Алеша.

– Побрататься хочешь? – не веря ушам, весь вспыхнув от радости, произнес Матвей.

– Ты мне жизнь спас, – было ответом.

– Дитятко!.. Голубь мой чистый!.. Мученик мой! – прошептал Мещеряк, и яркою влагою блеснуло что-то в самой глубине его черных очей. Потом он осторожно раскрыл кафтан на груди Алеши и отстегнул ворот его рубахи.

Осыпанный рубинами и яхонтами тельный крест на золотом гайтане блеснул в полутьме.

– Мое имя узнал ты, а свое не охоч сказывать... – произнес Матвей, осторожно снимая с груди Алеши его крест и надевая свой оловянный тельник через голову малютки. – Как звать тебя, родимый?

– Алексеем звать меня, по отцу Семенычем, а из рода я князей Серебряных-Оболенских, – тихо проронил тот.

– Алеша, стало, будешь, Алеша, братик мой богоданный!.. – с тихим умилением начал Матвей и вдруг разом осекся.

Месяц, точно багрово-красный шар, выплыл из-за тучи и осветил огромное, черное судно, плывущее прямо на струги, сбившиеся в кучу посреди реки.

– Са-а-рынь на ки-и-чку! – пронеслось в тот же миг протяжным заунывным звуком с первой ладьи и помчалось вверх по реке.

– На ве-ес-ла! – прогремела новая команда в тишине ночи.

И, точно встрепенувшиеся птицы, быстрыми лебедями заскользили струги по глади вод. Месяц алым заревом облил Каму. Багрово-красною стала река...

Гребцы с каким-то тихим остервенением налегали на весла. Лодки неслись теперь вперед со стремительной быстротой. Черное судно тоже выдвинулось заметно вперед, приготавливаясь, в свою очередь, к отпору. На палубе его замелькали темные силуэты людей.

– Са-а-рынь на ки-и-чку! – еще раз прокатилось над Камой.

Почти одновременно с борта судна грянул выстрел, блеснул огонь, и с грохотом и свистом тяжело плюхнуло свинцовое ядро в воду.

– Ой, тетка, молода больно!.. Кашу заварила, сала не поклала, сторела каша без сала, сама с голодным брюхом осталась! – послышался с очередного струга веселый голос есаула.

Хохот разбойников покрыл его. И тотчас же могучими звуками прозвучал в темноте вопрос Ермака:

– Все ли живы, ребяташки?

– Все живехоньки, атаман! – весело откликнулись с лодок.

Черное судно было теперь всего в десяти саженях от передней лодки.

– Готовься, робя! За честь и свободу славной вольницы казацкой! – снова зычным кликом прорезал тишину сильный голос Ермака. – Вперед!

– Во славу атамана-батки, Ермака Тимофеича! – хором гаркнула дружина.

И все разом устремилось по золотой глади вод.

Точно стоя исполнинских чаек окружила вмиг целая фаланга лодок неуклюжее, медленно подвигающееся судно.

– Эй, вы, ночные ратники, сдавайся, што ли, не то в воду, рыбам да к ракам на дно пойдете!.. Палить из ручниц, робя! А тамо приставляй лестницы, да с Богом в рукопашный бой! – отчетливо гремело над затихшей рекою.

Быстро вскинулись к плечу пищали, щелкнули курки.

– Стой! Кто в Бога верует, стой, православные! – понеслись испуганные крики с палубы барки.

– Никак сама Ермакова дружина? – прозвучал вместе оттуда же чей-то взволнованный вопрос.

– Верно, приятель. Атамановы люди к тебе в гости идем. Плохо нас угощаешь, Потчуешь только, хозяйинька не тароватый, – отвечал есаул Кольцо.

– Голубчики! Не признали! Палить было в вас зачали, – кричал, надрываясь, с палубы судна тот же голос. – А не к кому другому, как к его милости, Ермаку Тимофеичу который день по Каме плывем.

– Ой ли? Больно хитро надумано! Штой-то несуразно будто: до нас плывете, а в нас же из пушчонки своей палить зачали... Небось, не проведешь... Старый волк шкуру овечью надел – овцой прикинулся... Пали в мою голову, робя! – неожиданно заключил свою речь Ермак.

– Пожди, ради Христа, малость, атаман, выслушай... Мы из пушки палили потому, что за других приняли... Мы не вояки-стрельцы, мы люди тихие, купецкие, именитых Строгановых гонцы... К твоей милости, атаман, с грамоткой плыли, – звучало с палубы барки.

– От Строгановых? Из Сольвычегодска, што ли? От пермских гостей? – изумленно спрашивал Ермак.

– Во-во... От их самых... Полну барку гостинцев тебе везем... Да и грамоту в придачу, Василь Тимофеич, батюшка.

– Мне грамоту?.. Да ты знаешь ли кто я, купецкий посол? – все более и более изумлялся Ермак.

– Как не знать!.. Гроза ты Поволжья, славный атаман казацкий...
Гремит про тебя слава по всей Руси...

– Вольный казак я, разбойничек удалый, человеке. Голова моя оценена на вес золота... Плаха испокон времен дожидает меня... Бабы на Москве робят мной пугают... Ведомо ль тебе то, гонец? – ронял Ермак.

– Ведомо, все ведомо, атаман-батюшка... К твоей милости хозяева Семен Аникич Строганов с племянниками Максимом Яковлевичем, да Никитой Григорьевичем грамоту шлют... Челом тебе бьют на просьбишке, удалой атаман!

– Ничего не разумею! Час от часа не легче... Не на том ли челом бьют, што я без счета караванов загубил купецких с моими робятами? Може откупиться от прочих разбоев ладят, штоб не трогали впредь мои молодцы Строгановских судов? – шутил атаман.

– Прочти грамоту – все узнаешь, батюшка... Не побрезгай на палубу подняться... Там говорить сподручнее, – предложил гонец.

– И то... Выкидывай лестницу! – смело крикнул Ермак.

– Ой, берегись, атаман!.. Не случилось бы лиха! – неожиданно подплыв на своем струге к Ермаковой лодке шепотом молвил Никита Пан. – Не обманную ли речь держит посланец?.. Може заманить ладит, а тамо...

– Эх, Микитушка, волков бояться – в лес не ходить, – рассмеялся Ермак. – Любопытно больно на какой такой просьбишке солевары-купцы челом бьют нам.

– Возьми меня с собой, атаман, – не унимался Никита.

– Ладно, ты и здесь пригодишься... Коли што случится со мной, Иван Иванович, ты с Волком да Мещерей судно вдребезги и помилования никому, приказал Ермак, сверкнув глазами во тьме.

Затем в одну минуту, по спущенной с черного судна веревочной лестнице, Ермак ловко взобрался на палубу.

С низкими поклонами встретили его находившиеся там люди. Их было до пятидесяти человек. Впереди всех стоял почтенного вида старик с седой бородою. Он держал в руке грамоту.

Мигом высекли огня, и палуба осветилась. При мерцании лучины прочел поданную грамоту Ермак.

«Могучему атаману Василию²⁵ Тимофеевичу челом бьем. Прослышаны мы про дела твои велии, от коих слава гремит про тебя от моря до моря по всей Руси. Прослышали еще и о том, что больно прогневал ты царя-батюшку сими делами молодецкими, не во гнев тебе буди сказано, разбойными. И што присудил тебя великий государь, Иван Васильевич, всея Руси, смертью лютой казнити. И наряжена погоня за тобой. По всему по волжскому берегу стали царские рати, и на реке самой суда наряжены за тобой. И негде укрыться тебе с дружиной твоей. А посему, не погневись, удалый казаче, коли мы, гости-купцы Сольвычегодские, тебя милостию просим с дружиной твоей на наши места. Положим тебе и людям твоим жалование, да землицы, да харчи и дома, и живите на здравие, а за это службой нашей не побрезгайте. От остяков, да вогуличей, да от татарвы из земли соседской Югорской житья нам нет. Городишкам нашим и посадам грозят югры да самоедь, поселы жгут, людишек полонят да разоряют. Так коли охота будет у тебя с дружиной твоей, не побрезгай от тех югорских племен наши земли, самим государем пожалованные, убережь и набеги ихние отражать. А коли не противна тебе сия грамота призывная, поспешай к нам, батюшка-атаман, с дружиною своею.

Писал именитый купец Сольвычегодский и Угрских пограничных земель Семен, сын Аникиев Строганов с племянниками Максимом да Никитой».

²⁵ Настоящее имя Ермака – Василий; Ермаком его прозвали в первые годы его молодости, во время того, когда он был кашеваром в артели; Ермак – значит артельный таган, на котором варится каша.

Внимательно прочел грамоту Ермак.

Тысяча мыслей вихрем закружилась в голове атамана-разбойника.

Это было более нежели выгодное предложение.

Строгановы писали правду. Все Поволжье кишело царскими войсками, высланными для поимки казаков. Не сегодня-завтра нужно ждать непрошенных гостей и на самую Каму. Не рассчитал он – Ермак. Думал, берегом лишь идут государевы дружины, а оказывается и рекою плывут они в погоню за ним. Куда спастись? Куда скрыться? А тут именитые купцы, прославившиеся своими богатствами по всей России, предлагают жалование и приют со всею дружиной в своей земле.

Задумался атаман. С одной стороны, – прости-прощай привольная разбойничья жизнь; с другой – спасенье от плахи и петли его и всех буйных, вверенных ему самой судьбой, удальцов.

Что выбрать? Что предпочесть?

Недолго боролся Ермак.

– Спасибо за честь твоим господам, старина! – обратился он к Строгановскому посланцу. – А только ведомо ль тебе, что по нашим станичным обычаям должен я «круг» собрать и дело со своими молодцами решить полюбовно? Пожди малость – ночь минует! На восходе, как пристанем к берегу, дело обсудим, тогда тебе и ответ дам, старина.

– Благодарим покорно, – низко поклонился посол. – На мехах и парче не побрезгай, удалый казаче!

– Спасибо на том! Вели людишкам твоим добро в струги наши сложить, а покедова прощенья просим.

И не без достоинства поклонившись старому Елизару Васильевичу, дворецкому Строгановых, так же быстро и ловко спустился Ермак с палубы судна.

– Ишь ты, ровно Бова-королевич... И ни алчности в нем, ни душегубства не видать, собой молодец, – с изумлением рассуждали люди Строгановых, глядя вслед удаляющемуся атаману.

В ту ночь пристали к берегу разбойничьи струги. Отдохнули под тенью Прикамских дерев молодцы, а с восходом солнца забил рукоятками ножей о дно артельного котла младший подьесаул, и по этому звуку со всех ног кинулись к сборному месту вольные казаки.

Ермак уже был на кругу. Мощно и сильно зазвучала его горячая речь. Он разъяснил своей дружине всю пользу строгановского предложения плыть в Сольвычегодск, укрыться там пока гроза минует, отвести душу победами над кочевниками югорскими, а там далее, что Господь подаст, можно и на Волгу опять вернуться, – говорил он вольной дружине своей.

Внимательно слушала своего атамана дружина и когда замолк звучный голос Ермака, громким криком огласились ближайшие Прикамские леса и степи:

– Веди нас к Строгановым! Всюду пойдем за тобою!.. И в огонь, и в воду, батенька-атаман!

Глава 7

ЮГРА И ИМЕНИТЫЕ КУПЦЫ СТРОГАНОВЫ

В самый рассвет Иоанова царствования было покорено Казанское царство.

Следом за ним, почти без кровопролития, присоединен и Астраханский юрт к короне Московской. За ними и многие Прикавказские князьки подчинились Иоану.

В 1555 году прибыли в Москву послы от сибирского князя Едигера.

Сибирь, называвшаяся тогда Южной или Югорской землей, лежала по ту сторону великого каменного пояса Угрских (ныне Уральских) гор, по рекам Тоболу, Иртышу и Оби. Ее население составляли мелкие коренные племена вогулов, остяков, самоедов, бурят и позднейших пришельцев-татар, киргиз-кайсаков, монголов, перекочевавших сюда из Азии через Алтайские горы.

Узнав о покорении главнейших татарских юртов, сибирский князь испугался за участь своей земли. О могуществе и силе соседа – московского царя – уже облетела крылатая весть все ханские владения. Вот почему послы Едигера поздравили царя с завоеванием Казани и Астрахани и били челом Иоану, прося его принять землю Югорскую (Сибирскую) под свою могучую власть, а за это обещали платить ясак (дань) московскому государю шкурами белок и соболей. За свою покорность просили только помогать хану в борьбе с враждебными ему племенами. Царь принял челобитье и назначил ясак. Но дань платилась неаккуратно. Напугавший сначала своим могуществом, опасный сосед перестал казаться опасным Едигеру. Да при том Москва отстояла более трех тысяч верст от Сибири и трудно было, в случае нападения врага, рассчитывать на помощь русского царя. Вскоре постигло несчастье Едигера: на него напал хан Киргиз-Кайсацкой орды, Кучум, происходивший из бухарской ханской династии Шейбани-тов, завоевал его царство, самого Едигера и брата его Бекбулата убил и прочно водворил свою власть над всеми сибирскими племенами. Кучуму дружба с русским царем не улыбалась.

– Москва далеко, – когда-когда еще надумают заглянуть сюда. Убью царского посла, что приедет за данью и не будут мои народы платить русским ясак, – решил Кучум и, действительно, убил посла московского, явившегося за данью.

Порвав мирную связь с русским царем, Кучум не препятствовал подчиненным ему диким кочевым племенам остяков, вогуличей и татар нападать на порубежные владения русских поселенцев.

Первые поселенцы начали заселять этот Пермский край еще в XI веке.

Это были сыны сильной Новгородской вольницы. Еще в 1472 г., при великом князе Иоане III, воевода Пермский завоевал Соликамский край, расположенный по эту сторону Каменного Пояса и названный Великой Пермью (теперешняя Пермская губерния). В середине XVI века здесь поселились купцы-промышленники, Строгановы, родом из Ростовской земли.

Испокон веков Строгановы славились своими богатствами. В XV веке они были настолько богаты, что выкупили великого князя русского, Василия Темного, из татарского плена, за что были пожалованы огромными землями на северо-востоке России, в Устюжском уезде и Вондакурской волости. А при Иоане IV они перевели свою промышленность дальше на Каму. Старший тогда из Строгановых, Григорий Аникиевич, бил челом царю в 1558 г., прося его разрешения населять земли по реке Перми и Каме до реки Чусовой.

В своей челобитной грамоте он говорил так об этих местах: «В восьмидесяти восьми верстах от Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой, лежат места пустые, леса черные, реки и озера дикие и острова и наволоки пустые, а всего пустого леса здесь сорок шесть верст. До сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не ставили и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, в писцовых книгах, в купчих и правевных не записаны ни у кого».

При этом Строганов заявлял, что хочет на этом месте городок поставить, снабдить его пушками и пищальями, пушкарей, пищалочников, воротников прибрать для береженья от ногайских людей и иных орд; по речкам до самых вершин и по озерам лес рубить, расчищая место, пашню пахать, дворы ставить, людей созывать не письменных и не тяглых, рассолу искать, а где найдется рассол – варницы ставить и соль варить.

Царь разрешил Строгановым населять этот край, позволил ставить соляные варницы, городки, крепости укреплять и торговать беспошлинно ровно 20 лет. Разрешил Строгановым и судить поселившихся там людей, не обращаясь к наместникам и судьям Пермского края. Таким образом Строгановы являлись своего рода владетельными князьями нового края.

Они основали городок, укрепили его и назвали Канкором. За ним выстроился и второй городок Керсadan со стенами в 30 сажень в окружности.

В 1568 г. новой челобитной Строгановы просили разрешить им продолжить их владения еще на 20 верст, где они обязывались построить на свой счет новые городки и крепости. И это их прошение было уважено Иоаном IV.

В 1573 г. воевода Пермского края писал царю, что возмущившиеся черемисы с остяками и башкирами сделали набег на Каму и перебили около сотни мирных пермяков.

Тогда Иоан послал грамоту Строгановым, в которой наказывал им собрать охочих казаков,²⁶ выбрать доброго голову²⁷ и отправить войною на возмущившихся вогуличей и остяков, а мирных дикарей поселить у себя в городках и острогах.²⁸ Строгановы поспешили исполнить царский указ. Устроившись по эту сторону Каменного Пояса, они обратили взоры и на земли, лежащие по ту сторону Уральских гор, которые изобиловали пушными зверями в лесах, богатой рыбной живностью в реках и озерах, а пуще всего металлической рудой в недрах гор. Сказочные богатства этой страны не могли не привлечь внимания предприимчивых промышленников.

Между тем набег дикарей все тревожили Прикамских поселенцев, мешая им заниматься земледелием и соляными промыслами. В 1573 г. родственник салтана Кучума, царевич Шаметкул прокладывал дорогу к самой Перми и к Строгановским острогам, чтобы сжечь и уничтожить их. Пяти верст только не дошел он до городков, спалил окрестные поселки, а жителей частью перебил, частью увел с собою в плен. Тогда братья Григорий и Яков Строгановы обратились с новой просьбой к царю разрешить им укрепляться по реке Тоболу и впадающим в него рекам, строить там крепости, нанимать стражников и держать огненный наряд, то есть пушки и порох, а также искать там железную руду и пахать землю.

Иоан IV не только ответил полным согласием на Строгановское челобитье, но и разрешил Строгановым вести войну – посылать наемных охочих людей на самого салтана Сибирского.

В это время умерли старшие братья Строгановы, Григорий и Яков.

Остался младший брат Семен с племянниками: Максимом, сыном Григория, и Никитой, сыном Якова. Получив разрешение царя, Семен Аникиевич призадумался невольно. Согласие государя воевать Югорскую землю у него было, а рати нет. Откуда набрать рать для ведения задуманной войны? И вот услышал он, что царские дружины повсюду ищут славного разбойничьего атамана, немало погулявшего по всему Поволжью – Ермака Тимофеевича.

К этому-то атану, спасавшемуся теперь от Московских воевод, и отправил грамоту Семен Аникиевич, приглашая его поступить к нему на службу вместе со всею удалой дружиной своей.

²⁶ Охотников-добровольцев из вольных людей.

²⁷ Начальника.

²⁸ Крепостях.

Глава 8

ПЛЕННИЦА И ГОСПОЖА. – ГОРЕЛКИ. – НАПАСТЬ

Ой, да и прыткая же ты, боярышня...

Ишь, ноженьки-то резвые у тебя! Николи не нагнать... Который раз горю, и Дуняшу, и Машеньку, и Домашу, всех догнала, а тебе не в мочь...

Ровно белка ты лесная бегаешь, – говорил Григорьевна, миловидная, со вздернутым носиком девушка, отделяясь из толпы бегавших в горелки подруг.

– То-то прыткая... Небось, у самой Алызги-полонянки бегать-то научилась, – засмеялась красивая, белокурая, свеженькая, как спелое яблоко, румяная девочка, лет 14, с длинной, до пояса, русой косой, с ясными, как весеннее небо, голубыми глазами.

– У Алызги, говоришь. Да нешто бегают она когда, Алызга наша? Небось, крот-кротом сидит у себя в углу. Николи ее в сад не вытянешь.

– Ты не вытянешь, а я вытяну хоть сейчас! – засмеялась веселым смехом девочка и, сделав знак своей собеседнице, приложила руку ко рту и громко, протяжно крикнула:

– А-а-лы-з-га! А-а-лызга!.. Где ты?

– Никак боярышня наша полонянку кличет? – крикнул кто-то из толпы девушек, и в одну минуту они со всех ног кинулись к белокурому подростку-девочке, которую почтительно называла боярышней ее черненькая подруга.

– А-а-лызга! – еще раз крикнула блондинка и, не медля ни минуты, зорко вглядывалась в окружающие их садовые кусты.

Притихла, замерла вместе с нею и шутивая толпа девушек. Тишина воцарилась в большом Строгановском саду, находившемся в центре окруженного толстой стеною с бойницами городка-острога на берегу реки Вычегды.

Грозным и недостижимым казался острог этот. Из отверстий бойниц выглядывали жерла пушек. От ворот через ров был перекинут подъемный мост.

Ближе к стенам шли заметы и насыпи. У тесовых ворот стояли пушки.

Вооруженные пищалями воротники²⁹ прохаживались по валу, зорко поглядывая, не мелькнет ли где подозрительная фигура дикаря-югорца, злейшего врага Строгановских поселков и городков.

Мелким кустарником поросла кругом степь. А на дальнем краю ее, на горизонте, тянулись высокие Уральские хребты. Ближе к острогу ютились селенья, золотились поля и нивы, сверкали тесом крепко сбитые, еще новенькие избы поселенцев. И все это было отгорожено высоким тыном и укреплено пушками, из опасения набегов тех же кочевников, что без удержки хозяйничали в степи.

С такими же предосторожностями были обставлены и соляные варницы, где гнали соль промышлявшие ею купцы. Словом, Строгановские городки и поселки представляли из себя ряд хорошо вооруженных и недоступных по виду крепостей. Тесовые крепкие стены, постройки, высокие и крепкие, из толстых деревьев, служили хорошей защитой. Безбоязненно могла резвиться и играть в густо разросшемся саду острога веселая шумная молодежь.

В этот теплый июньский вечер было как-то скучно сидеть в душных, хотя и просторных, горницах обширных Строгановских хором.

И Танюше Строгановой, племяннице и крестнице дяди Семена Аникиевича, родной сестре Максима Григорьевича, особенно не сидится у себя в светлице.

²⁹ Стража.

Веселая, подвижная как ртуть, девочка не выносит никаких рукоделий, которые составляли обычное времяпрепровождение русских женщин прежнего времени. Таня не боярышня-белоручка, хотя и называют ее боярышней холопы да сенные девушки. «Наш де Семен Аникич всех бояр знатных почище будет...

Он гость³⁰ именитый, самим царем пожалованный и отличенный, так неужто их кралечку боярышней не называть?» – говорят они на все замечания хозяев не величать «не по чину» своих господ.

На свободе Прикамских степей выросла Таня. Еще при дедушке Аникие поселились они здесь.

Здесь она и родилась, и осиротела с братом Максимом. Здесь, на вольном северном воздухе, расцвела она, не в душных Московских теремах, а на воле степной, где все так и дышит свободой. И свободной, вольной выросла здесь Таня, даром что крепкие стены Строгановских острогов с детства окружали девочку. И обращение с нею девушек такое же вольное, свободное, точно она не госпожа их, а любимая подруга.

Вот и сейчас, замкнутая тесным кругом девиц-сверстниц, чувствует она себя равной им, даром что не одну тысячу дает за ней в приданое дядя.

– Ан похвасталась, Татьяна Григорьевна, вишь, не слушается и тебя Алызга... А еще хвалилась сейчас! – усмехаясь заметила черненькая Агаша, та самая, что только что жаловалась на не в меру резвые ноги своей госпожи.

– А вот поглядим, – задорно крикнула Таня и, прежде чем кто-либо из девушек успел остановить ее, стрелой кинулась из сада.

Вся веселая толпа ринулась за нею; но недаром сетовала черненькая Агаша на Таню Строганову – трудно было догнать девочку. Вихрем пролетев широкую аллею сада, она миновала высокие хоромы, обогнула их и в несколько минут очутилась у калитки. Воротник-сторож почтительно посторонился, давая дорогу хозяйской племяннице. Он не посмел остановить ее, зная, как часто девочка прогуливается с нянькой или сенными девушками по берегу реки.

Между тем Таня одним духом пробежала мост, перекинутый над глубоким рвом, и очутилась в небольшой рощице или, вернее, заросшем невысокою осокою местечке, на берегу реки.

Здесь она остановилась, перевела дыхание и, поправив сбившийся на затылок алый чельник,³¹ унизанный жемчугом, крикнула звонко во весь голос:

– Алызга! Ты здесь? А?

Осока зашевелилась и чья-то крупная голова просунулась в зелени ветвей.

– Ты здесь? Я так и мыслила, так и ждала, – радостно проговорила Таня, бросаясь в чашу.

Из кустов выскользнуло странное небольшое существо, не то женщина, не то ребенок.

Смуглое темное лицо, скуластые щеки, широкий, чуть приплюснутый нос, маленькие карие глазки и коренастая, но сильная, почти детская по росту, фигура, зашитая в оленью шкуру как в мешок, несмотря на палящий зной июньского полдня. На ней была широкая оленья куртка без застежек, одевающаяся через голову, и юбка из какой-то грубой не то холстины, не то кожи. На голове – остроконечная войлочная шапочка, унизанная бисером, на ногах козы сапоги, высокие как у мужчины. Целая масса ракушек, блестящих дощечек покрывала ее шею и грудь.

Это странное существо была остячка Алызга, пленница Строгановского острога. Лет шесть тому назад Сибирский царевич Мамет-Кул близко подошел к русским владениям. В его дружине находилось, помимо татар, немало и подвластных Кучуму остяков, вогуличей и бурят, данников Сибирского султана. Был у него и молодой остяк в дружине, верный слуга

³⁰ Купец.

³¹ Головной убор.

Кучума, Огевий. Он только что женился на молоденькой Алызге, любимой рабыне-остячке одной из Кучумовых жен. Ее отец, мелкий остяцкий князек, привез еще малюткой к Кучуму свою Алызгу в его столицу Аскер. С тех пор девочка жила там, в гареме Сибирского султана, служанкой у Сузгэ-Хонми, любимой Кучумовой жены, забыв свою родину, свой родной язык и с чисто собачьей преданностью отдавшись своей госпоже и ее маленькой дочке-царевне. В одну из темных осенних ночей Мамет-Кул напал на прикамские поселки, находившиеся в пяти верстах от Строгановских городков.

Отстреливаясь от дикарей, сжегших и разоривших их посады, русские немало перебили воинов Сибирского царевича. Когда поселенцы стали обходить места, где кипела битва, то нашли среди убитых врагов одного молодого остяка. Над ним сидела странная неподвижная фигура и раскачиваясь протяжно пела что-то заунывным голосом. Это и была Алызга, маленькая остяцкая женщина-дикарка, следовавшая за мужем в поход и теперь оплакивавшая его кончину. Ее взяли и отвели к Строгановым в острог. Здесь она и прожила шесть лет, дикая, замкнутая, молчаливая. Ее пробовали заставить принять православие, но как только заходила речь об том, Алызга принималась горько плакать и так нежно прижимала к груди своей деревянных шайтанчиков,³² которым каждое утро и каждый вечер молилась, что на нее махнули рукой. Так же горячо протестовала она, когда ее хотели одеть по-русски. От мирных остяков, данников Московского государя, живших поблизости Строгановских городков, она научилась русскому языку. Семен Аникиевич велел ей устроить чум³³ в саду, по образцу остяцкого, с чуволом,³⁴ на котором она могла варить себе свой незатейливый обед.

Маленькая Алызга (она действительно казалась маленькою, несмотря на свои 22 года) не могла убежать от своих новых господ. Видя, как привязалась к этой живой игрушке его крестница, хорошенькая Таня, дядя Семен Аникиевич решил приручить дикарку, чтобы молодая женщина и голубоглазая его крестница могли не расставаться. С Алызги взяли страшную клятву, чтобы она не ушла из Строгановского городка ни к отцу, ни к Кучуму, где прошла вся юность остячки. Из ближнего мирного остяцкого селения был призван шаман,³⁵ который по желанию Семена Аникиевича, после всевозможных церемоний, заставил Алызгу поклясться над лапой медведя,³⁶ после чего дикарка положенное число лет не могла и думать о побеге.

Вот какого рода странное существо выбежало из кустов навстречу молоденькой Строгановой.

– Что ты делала тут, на бережку, Алызга? – с любопытством, глядя в круглое лицо дикарки, спросила Таня.

Та вспыхнула и потупила голову.

– Так... Алызга глядела на воду... глядела как прыгают и резвятся кули.³⁷

– Вот-то глупая!.. Это не кули твои, а речные струи, Алызга, – звонко рассмеялась Танюша.

Румянец сбежал с круглого лица остячки, она заметно побледнела.

– Тссс! Не гневи великого Сорнэ-Турома, – вся дрожа вскричала она, не гневи, госпожа моя... Не было бы от того худо...

– Ха, ха, ха! – еще громче и веселее рассмеялась Танюша, – аль ты запомнила с кем говоришь, Алызга? Духов мне ваших бояться велишь. Да ведь я христианка, православная,

³² Идолы, болванчики, которые носят на груди за пазухой, а побольше размером – стоят на полках в юрте.

³³ Жилище остяка.

³⁴ Очаг.

³⁵ Жрец, посредник между остяками и их богами, и в то же время кудесник и врач.

³⁶ Медведь считается священным у остяков; по остяцким понятиям он когда-то был сыном Сорнэ-Турома, творца неба, упал с неба и бродит среди людей.

³⁷ Водяные духи.

глупенькая ты бабенка, Алызга! Нешто можно мне верить в существование ваших бездушных богов!

– Ох, не говори, не говори так, хозяйка, испуганно прошептала дикарка и глаза ее округлились от ужаса. – Великий Ун-тонг услышит твои речи и тогда беда: пропала и госпожа, и Алызга.

– Ничего, не пропала! – тряхнув красивой головкой с толстой русой косой, произнесла Таня. – Не боюсь я твоих глупых божков, Алызга... Один Бог на небе истинный, христианский... И нету, oprичь его, других богов, строго и резко произнесла девочка.

Потом, помолчав немного, добавила мягче, обвивая за шею рукою свою круглолицую подругу:

– Голубушка Алызга, ты любишь меня?

Ее голубые глазки ласково засияли навстречу всегда угрюмым маленьким глазкам дикарки. Тонкие пальчики любовно перебирали темно-русые, твердые и жесткие, как солома, прямые волосы Алызги. Нежная белая ручка продолжала обнимать сильную шею молодой пленницы.

– Ты крепко любишь меня, Алызга? – заглядывая ей в лицо, еще раз спросила Таня.

Дикарка угрюмо взглянула в хорошенькое личико Строгановой и резким движением отстранилась от нее.

– А за што мне любить тебя, госпожа? – усмехнувшись произнесли ее толстые губы.

– Как за што? – так и встрепенулась обиженная Таня, – я ль тебе не дарила и летники³⁸ шелковые, и ферязи,³⁹ и телогреи, и венцы, жемчугом и камнями осыпанные,⁴⁰ и бусы, и ленты, и чеботы, шитые золотом да серебром? Только ты не брала их, Алызга, и глядеть не хотела на подарки мои. А небось, мониста и бусы брала от твоей казацкой царевны,⁴¹ небось, и сейчас ракушки да монисты носишь, дарованные ею тебе.

И Таня, ревниво косясь на остячку, сердито дернула ее пестрое ожерелье из раковин, бисера и металлических пластинок, которые носила не шее и груди Алызга. Молодая дикарка в свою очередь вспыхнула гневом. Ее глаза сердито блеснули.

– Не тронь! – крикнула она, сдвинув грозно брови. – Дары царевны Ханджар последняя радость Алызги.

И она с благоговением приложила мониста к своей скуластой щеке. Все некрасивое лицо ее озарилось ярким светом. Потом глаза снова стали мрачны и угрюмы и снова обратились печальным взором к реке.

– Ты очень любишь твою царевну, Алызга? – с затаенной ревностью произнесла Танюша.

– Га! – не то усмехнулась, не то всхлипнула дикарка. – Спроси рыбу, любит ли она речную струю. Спроси цветок, любит ли он солнце. Спроси месяц, любит ли он зимою ночь. Двоих людей послал на путь Алызге великий Сорнэ-Туром: Огевия-батыря и царевну Ханджар. За обоих умрет Алызга. Но к великой печали ее в мрачный Хала-Турм⁴² отошел муж ее и грозный Урт-Ичэ⁴³ разлучил Алызгу с царевной Ханджар... Правда, Ханджар не часто дарила монистами и ожерельями Алызгу, как ты, хозяйка, но зато она свободу дарила ей... Вольной птицей могла носиться по степи Алызга, идти на Белую реку (Обь) к своему князю-отцу. Ханджар сама любила свободу, понимала Алызгу и не мучила ее в полону. А здесь?.. О, русские! Вы

³⁸ Сарафаны.

³⁹ Верхние одежды.

⁴⁰ Девичий головной убор.

⁴¹ Жены Кучума, хана Киргиз-Кайсацкой орды. Русские люди того времени кайсаков звали казаками.

⁴² Подземный мир.

⁴³ Грозный бог, сын Троицкого шайтана.

взяли страшную клятву с Алызги, чтобы не могла Алызга бежать, – закончила с мучительной тоскою дикарка и закрыла желтыми руками свое некрасивое, плоское, скуластое лицо.

– Крестись, Алызга, прими веру нашу и легче куда станет тебе, – тихо и ласково произнесла Таня, снова нежно обвивая шею остячки своей белой рукой.

Что-то странное произошло с дикаркой. Казалось, ненависть, бешенство и гнев разом наполнили все ее необузданное существо.

– Никогда! – топнув ногою, крикнула она резко, – никогда не станет Алызга христианкой! Великий хан Кучум не неволил Алызгу и ее мужа исповедывать Аллу и Магомета, пророка его...⁴⁴ Ни царевна Ханджар никогда не говорила о том, так подавно и тебе, госпожа, не след неволить меня принимать Христа. Жила доселе Алызга рабыней своих великих богов и умрет тоже их слугой и рабыней, – громко заключила она, поводя разгоревшимися глазами.

– Ишь ты упористая какая, – произнесла, нахмурившись, Таня и невольный гнев охватил девочку. – Нет таких богов! Вот што! И все твоё верование брехня одна! – подавшись разом нахлынувшей на нее гневной волне вскричала она.

Алызга вздрогнула, вытянулась, как стрела. Вся коренастая фигурка дикарки точно выросла в одно мгновение. Маленькие глазки загорелись зелеными огнями. Она была бледна как смерть.

– Великий дух, могучий Сорнэ-Туром! – грозно потрясая руками вскричала она резким голосом. – И ты, всесильный Ун-тонг, и ты, грозный Урт-Игэ, и вы, быстрые кули и мрачные менги,⁴⁵ вы слышите, что говорит она! Откликнитесь, великие... нашлите громы и молнии на место это... Пусть видят кяфыры нечистые всю страшную силу могучих богов! – и она упала навзничь в траву, не то смеясь, не то рыдая, в охватившем ее экстазе.

Доброй по натуре Танюше стало жаль дикарки.

– Полно, Алызга, полно... сбrehнула, може, я... Не серчай, голубка! – наклонившись над нею проговорила она. – У нас своя, у вас своя вера... Не серчай... Не хотела я тебя обидеть, бабочка! Полно, не плачь... Слышь, Алызга!

Все ниже и ниже наклонялась над дикаркой Таня и, занятая бившейся в конвульсиях Алызгой, не замечала, как нечто не совсем обыденное происходило подле нее. Не видела, как разом зашевелились кусты, как чья-то закутанная в оленью кожу фигура в остроконечной шапке с луком и стрелами, засунутыми за пояс, с плоским, темно-желтым лицом и приплюснутым носом неслышно выскользнула из кустов и приблизилась к обеим женщинам.

Радостная, злобно-торжествующая усмешка искривила лицо незнакомца. Он выпрямился. Маленькие глазки его блеснули... Твердой рукой он стал налаживать свой лук.

– Велик могучий Сорнэ-Туром! – грозно прозвучал его голос и почти одновременно звякнула натянутая смуглой рукой тетива.

При звуках родного языка Алызга вскочила на ноги с быстротою дикого оленя. Одновременно громкий, испуганный крик вырвался из груди Тани.

Стрела с шипением пронеслась мимо самой головы девочки и вонзилась в молодую осоку, росшую на берегу.

– Спасите! – новым отчаянным криком пронеслось по окрестности и замерло в холодных струях реки. И, не помня себя, молодая девушка ринулась из чащи. Промашнувшийся остяк сердито топнул ногою, потом запустил руку в сапог и, вытащив оттуда кривой нож с короткой рукояткой, каким обыкновенно сдирают шкуры зверей охотники-остяки, ринулся в погоню за девочкой.

⁴⁴ Кучум вводил магометанство среди своих приближенных, сам он был магометанином.

⁴⁵ Лесные духи.

– Стой! – повелительным жестом остановила его Алызга, – стой, говорю я тебе, – все дело погубишь, брат Имзег! – крикнула она по-остяцки. Ужели пришел ты сюда, чтобы отправить в Хала-Турм твою и мою душу?

– Молчи, сестра! Недаром я готовлюсь стать большим тодиби.⁴⁶ Я не мог выслушивать, как нечистые уста порочат нашу веру. Я служитель светлых богов, – угрюмо произнес остяк.

– Великий Сорнэ-Туром лишил разума эту несчастную и сами боги вольны казнить и миловать ее! – веско и убежденно заговорила Алызга. – Ты пришел во-время, Имзег. Я каждый вечер выходила сюда слушать крик иволги, которым ты извещаешь свой приход. В этот год он принесет мне счастье. Этот год – последний год плена и страдания Алызги, сестры твоей... Был ли ты, богатырь, на урмане Вагатима-нет?⁴⁷ – с лихорадочной поспешностью закончила свою речь вопросом Алызга.

– Я только оттуда, сестра! – произнес молодой остяк. – Слушай, надо торопиться... А то девчонка успеет добежать до острога и поднять тревогу... Мой каюк⁴⁸ спрятан в камышах... Успеем бежать, только надо спешить... Слушай: я провел семь дней и семь ночей на урмане... Я принес в дар великому духу девять⁴⁹ медвежьих сердец, добытых на охоте... Я лежал ниц перед великим изображением могучего шайтана, не вкушая пищи, девять дней и девять ночей и вот что открыл мне могучий Ун-Тонг, сестра моя Алызга: через семь новолуний ты будешь освобождена от клятвы своей и можешь вернуться к отцу на Белую реку, либо в юрт хана Кучума. Слышишь, сестра?

– О, Имзег! Благодарю тебя за добрую весть! – вся вспыхнув от счастья, прошептала Алызга.

– Постой, не все еще. Ты должна сослужить нам великую службу, Алызга, – кладя ей свою смуглую руку на плечо, произнес остяк. – Пятьсот вогуличей-воинов, с мурзою Бабелием и нашими молодцами, остяцкими батырями, стоят недалеко в степи. Сегодня в ночь лучшие молодцы мурзы проберутся к острогу. Ты откроешь нам ворота, Алызга, и наши ворвутся и перебьют собак русских, ворвавшихся в нашу землю и завладевших ею. Поняла ты меня, сестра?

– О, поняла! Все поняла Алызга!

– Когда все будет сделано, ты можешь бежать сегодня же в ночь.

Великий дух освободил тебя от страшной клятвы, сестра!

– О, Имзег! С какими чудными вестями прислал тебя великий дух!

Благодарение могучему Сорнэ-Турому! Ты не забыл свою невольницу-сестру, богатырь! – радостно проговорила Алызга, обнимая брата.

– Я приходил каждые двенадцать новолуний сюда в эту рощу, ты помнишь, Алызга? Вот уже шесть лет, как я узнал, что сестра моя в плену у русских... Теперь, благодарение всесильному Ун-тонгу, тебе остается провести лишь последние часы у этих собак. К восходу солнца, милостью светлых духов, их остроги и поселки – все будет обращено в пепел и прах...

Но, чу! Я слышу – сюда бежит погоня. Девчонка верно подняла на ноги острог! Я спешу в мой каюк, Алызга. Прощай до ночи, сестра!

– Прощай, богатырь! Буду ждать к ночи наших храбрецов!

Имзег в три-четыре прыжка очутился на берегу и вскочил в лодку.

Зашуршала осока. Несколько раз взмахнул веслами остяк, и легкая лодка понеслась стрелой вверх по реке. От острога к роще бежали люди, стража и холопы во главе, с самим Семёном Аникиевичем, насмерть перепуганным случаем с крестницей. Его племянники, Максим

⁴⁶ По-остяцки – шаман.

⁴⁷ Священное местопребывание главного остяцкого божества.

⁴⁸ Лодка.

⁴⁹ Число 7 и 9 имеют каббалистическое значение у остяков.

и Никита, статные, красивые молодцы, с ружьями в руках, вели всю эту вооруженную толпу. Старший Строганов, еще далеко не старый мужчина, с легкой проседью в волосах и окладистой бороде, казался по виду скорее каким-нибудь важным боярином, нежели солеваром-купцом, столько достоинства было в его приятном добром лице и голубых глазах, теперь зажегшихся гневом. Оцепить, братцы, рошу да обыскать поладнее! Должно, схоронилась там басурманская нечисть, что пустила в крестницу стрелу! – приказал он, первый бросаясь в чашу. И тут же сразу заметил Алызгу. Она стояла спокойная, как ни в чем не бывало, на опушке. Только лицо ее было бледно, да глаза значительно поблескивали из-под насупленных бровей.

– Ага, здесь ты! – сурово произнес Строганов, хватая за руку пленницу. – Ты это што же... а? Спустия лето по малину ходить? Шесть годов выжила кротко да смирно, што твоя овечка, а тут, накося, с твоим песьим племенем никак шашни стала сводить? Так-то ты отплатила за хлеб, за соль да за заботы мои, вражья бабенка!

И, добрый и ласковый от природы, настоящий «отец» своих поселенцев, он теперь, не помня себя, тряс изо всех сил упорно хранившую молчание Алызгу.

Та только закусила губы и тяжело, порывисто дышала.

– Кто в Танюшку стрелял? А? Какого разбойника здесь схоронила? – крикнул, выскочив вперед, Максим, испуганный за сестру не менее дяди.

Алызга молчала. Вся ее небольшая, но коренастая, приземистая фигура олицетворяла только одну настойчивость, одно дикое, животное упорство.

– Эх, окрестить бы тебя нагайкой, чертову куклу! – заметил кто-то из стражников-холопов.

Алызга с ненавистью и злобой скосила на него глаза.

– Право слово, окрестить бы ее, Семен Аникич, – подхватили другие. Небось тогда заговорит!

– Окститесь, други! Аль бивал я вас когда? – заметно недовольным голосом произнес Семен Аникиевич.

– Николи не бивал! – хором отвечали холопы.

– Так ужели же беззащитную бабенку, да еще полоненную нами же, лупить? По добру куда гораздо ладнее спросить ее будет, – тихо и спокойно ронял Строганов, гнев которого уже мало-помалу проходил. И, взяв за руку Алызгу, насколько мог ласково сказал, обращаясь к дикарке:

– Твои боги накажут тебя, коли ты супротив нас не права, Алызга, ежели укрыла здесь вора какого из ваших племен... А все же ужю велю раздобыть я медвежьей лапу и новую клятву возьму с тебя, штоб верой и правдой служила ты своим господам. Да вот еще, сходи ты, Максимушка, к попу в поселок, да попроси батю Алызгу к купели готовить. Не след ей своей басурманской вере прямить. Крестить ее скорееича надоть. Наша-то русская, глядишь, не своим басурманам-татарве да самоеди прямить будет, – заключил Строганов, довольный своей выдумкой, поглядывая на всех.

При последних словах Семена Аникиевича Алызга затрепетала. Бледное лицо ее стало багровым. Даже синие жилы вздулись на висках. Но это длилось недолго. Быстрее молнии заработал ее мозг.

Клятву не ранее восхода возьмут. Да и русский тадибей⁵⁰ не сейчас придет крестить ее, Алызгу. Пока исполнит свое желание хозяин, она, Алызга, успеет сделать все, что велел ей брат и скрыться навеки из этого проклятого места, – вихрем пролетела мысль в угрюмо-потупленной голове остячки.

– А все же запереть ее не худо, – начал кто-то из слуг, подозрительно поглядывая на остячку. Но Семен Аникиевич, почему-то доверяя проживавшей у него в плену дикарке, не

⁵⁰ Священное лицо.

хотел обижать последнюю. И на предложенную мысль запереть молодую женщину до времени в глухом Строгановском подвале, куда обыкновенно сажали провинившихся поселенцев⁵¹ или пленных кочевников, только покачал головой:

– Не для чего запирать Алызгу. Не ее вина, што кочевник в Танюшку метил стрелою. Небось, и сама испужалась за хозяйку свою. Правду ль я говорю, испужалась, Алызга?

И Строганов, почти успокоенный тем, что не нашел ничего подозрительного на месте происшествия, уже ласково обращался с дикаркой.

⁵¹ По жалованной грамоте Иоана Строгановы имели право самолично вершить суд и расправу в своих владениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.